

НОВАЯ ПОЛЬША 12/2005

Содержание

1. В ПЕРЕВЕРНУТЫЙ БИНОКЛЬ
2. ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ
3. ЭТО СВОБОДНАЯ СТРАНА!
4. К 70-ЛЕТИЮ МАРЕКА НОВАКОВСКОГО
5. ЛАБИРИНТ У МОРЯ
6. КАК ОНО БЫЛО С ЭТИМ КРЕМЛЕМ
7. ДОБРОДЕТЕЛЬ В ОКОВАХ
8. МУЛЬТИКИ ПО ДОСТОЕВСКОМУ
9. ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ
10. ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

В ПЕРЕВЕРНУТЫЙ БИНОКЛЬ

— Пан профессор, вы смотрите на Польшу издалека, из Оксфорда. И что вы видите?

— Я действительно смотрю издалека, в перевернутый бинокль, но стараюсь знать, что происходит. Ну и есть у меня свои симпатии и антипатии. Если говорить о картине польской политики, то я воистину удовлетворен. Во всех известных мне таблицах профессионального престижа политики стоят на последнем месте — это свидетельствует о здравом рассудке народа. Правда, в разных политических партиях — в разных, но не во всех — встречаются цивилизованные люди, да только в последние годы их как-то почти не было видно. Зато на виду другие.

— Другие, то есть какие?

— Какой-то безграмотный крикун [вероятнее все-го, автор имеет в виду лидера «Самообороны» Анджея Леппера], который неустанно клеветает на людей. Он же обещает нам, что как придет к власти, то у всех будут деньги, потому что, видите ли, у президента Польского национального банка полно в ящике денег, которых тот не дает людям, зато когда он, крикун, придет к власти, то раздаст их нам, и мы разбогатеет. Есть и надутый молокосос [по всей видимости, лидер «Лиги польских семей» Роман Гертых], строящий рожи инквизитора и неустанно угрожающий разным людям, что подаст на них в суд. Он обещает, что будет править Польшей, папашу назначит президентом, а себя — премьером, но, увы, из этого ничего не выйдет, потому что этого не допустит масонско-жидовско-либерально-коммунистическая мафия. Я уж не говорю о пээнэровских плутишках, которые считали, и не без оснований, что раз они прицепились к правящей партии, то могут безнаказанно делать что хотят. Читал я и такое, что какие-то партии [«Самооборона»] требуют от своих кандидатов в Сейм, чтобы они заранее подписали обязательство, в силу которого лишатся депутатского места, если уйдут из своей парламентской фракции. Мне кажется, подписать такое заявление — все равно что сообщить: а у меня ни чести, ни совести. Это, конечно, не мое дело, пусть себе подписывают. Но это деталь, позволяющая понять польские политические нравы. Зато мне нравится инициатива архиепископа Юзефа Жицинского, который предложил созвать круг достойных, пользующихся всеобщим уважением людей, не имеющих

никаких партийных обязательств, чтобы они обсуждали и оценивали этическую сторону разных мер, предпринимаемых в политике и люстрации.

— Вы не обнаружили в предвыборной кампании никаких положительных лозунгов?

— От многих партий мы слышим, что они нам всё устроят, что у них есть рецепт оздоровления страны. Часто раздается лозунг нравственной революции. Не знаю точно, что это значит, но предполагаю, что те, кто пользуется этим лозунгом, знают путь к тому, чтобы люди стали благородны, чтобы исчезли коррупция, воровство, взяточничество, оскорбления. Не знаю, каков этот путь, потому что не знаю деталей этого плана, но против таких намерений трудно возражать. Однако нравственная революция, если она возможна, может быть только делом великого религиозного пророка: ни один политик и ни одно политическое учреждение не может внезапно изменить человеческое поведение, мышление и нравственные мотивировки.

— Но политическую систему или методы деятельности государственных и политических учреждений изменить легче. К этому-то и относятся требования сторонников нравственной революции. Разве политическая система в Польше не нуждается ни в каких серьезных изменениях?

— Конституция не может вызвать нравственную революцию.. А если речь идет попросту о том, чтобы успешней бороться с коррупцией, то на это есть способы проще, чем радикальное изменение конституции. Революция — это перемена, которую совершает массовое движение, перечеркивающее легитимность строя — иногда кроваво, а иногда бескровно, как «Солидарность». Перемену, которая наступила в Польше благодаря «Солидарности», можно назвать революцией, хотя произошла она мирным путем и без применения насилия. Этой революции предшествовало движение демократической оппозиции 70-х гг., в особенности КОР [Комитет защиты рабочих], но еще и массовое изменение образа мыслей и человеческих мотивировок, а это нельзя вызвать искусственно.

— Иногда вместо нравственной революции говорят о Четвертой Речи Посполитой. Как вы относитесь к этому термину?

— Я не очень-то знаю, что он значит, поэтому не могу высказаться. Генерал де Голль, придя к власти, ввел конституционные изменения, установив президентский

строй. Это была существенная перемена, и с тех пор Францию называют V Республикой. Не знаю, произойдет ли что-нибудь аналогичное в Польше и применимо ли тут название Четвертая Речь Посполитая. Однако в этом лозунге подспудно содержится мысль, что последние 15 лет оказались растрчены попусту или что стало еще хуже.

Любая революция на следующий день после победы вызывает разочарование. Иначе и быть не может, ибо всякая революция, чтобы быть успешной, неизбежно опирается на нереальные надежды, на требования, не поддающиеся проведению в жизнь, и фантастические иллюзии. И всякая кончается горьким разочарованием. Это не значит, что она неудачна, хотя в обществе она вызывает всяческие огорчения и недовольство. Нету ведь такого, что Польша становится все беднее, — такая ее картина совершенно не соответствует правде, о чем недавно убедительно писал Вальдемар Кучинский. Есть, как мы знаем, большая безработица. Но и это недостаточная причина для того, чтобы утверждать, что в течение этих 15 лет наступила деградация, хотя пришли огорчительные перемены, неизбежные при переходе от диктатуры к демократии и от командной экономики к рынку. Свобода влечет за собой различные неприятные затраты.

— Надо, видимо, уметь отличать неизбежную плату за свободу от балласта, от которого лучше бы избавиться. Откуда берется такое низкое качество польской политики?

— Сам переход к демократическому строю порождает огромное разочарование и огромные, не поддающиеся удовлетворению амбиции. Жажда власти — дело нормальное, но демократические системы отправления власти могут обуздать ее хамские проявления. Надеюсь, что и в Польше это публичное хамство, которому мы все свидетели, будет как-то укрощено, так как в нормальных условиях у людей нет желания выдвигать во власть безграмотных хамов, хотя в особых обстоятельствах это и возможно.

— Может быть, генезис того, что вы называете хамством в политике, уходит корнями в наследие коммунизма? Недаром коммунизм опирался на ложь.

— Это была иная ложь. Да, ложь — это не просто одно из орудий коммунизма, но его фундамент или краеугольный камень. Без лжи коммунизму пришлось бы рухнуть — что в конце концов и случилось. Помню, как в Москве за несколько месяцев до падения Горбачева я заметил, что гласность стала реальной: все говорят то, что думают, страх исчез. В таких условиях

коммунизм не мог продолжаться. Горбачев, разумеется, не собирался разрушить коммунизм — наоборот, он хотел его улучшить, сделать более цивилизованным и конкурентоспособным, но, желая реформировать, он его уничтожил. Горбачев понял, что если он хочет модернизировать страну, нужен свободный обмен информацией. Но этого коммунистический строй выдержать не мог. Другой очень важной причиной падения коммунизма было разложение идеологии. Всякий режим нуждается в легитимности. Ее могут давать выборы либо наследование монаршей благодати. Легитимность коммунизму давала идеология, так что она обязана была существовать и тогда, когда никто в нее не верил: ни правители, ни подданные.

— Чтобы она выполняла эту роль, необязательно было в нее верить?

— Нет, совсем необязательно. Но она не могла давать легитимность без конца. В Польше еще с 60-х идеология начала исчезать. Разумеется, существовал аппарат власти, аппарат привилегий, путь карьеры, но уже не было коммунистов кроме горстки идейных и неумных активистов. Идеология поставляла горстку слоганов, использовавшихся по торжественным случаям или при нападках на оппозицию.

Падению коммунистического строя способствовала и имманентная бездарность режима, который терял конкурентную силу в мире. Но распад идеологии я считаю самым главным фактором, ибо без идеологии коммунистическая система существовать не может.

— Но все-таки распад не произошел сам собой?

— Нет, не сам собой. Нет особого смысла высчитывать в процентах, кто внес какую долю вклада в победу над коммунизмом, как это делает Лех Валенса. Но несомненно, что и сам Валенса, и «Солидарность», и Иоанн Павел II, и Горбачев — все сыграли свою роль. Во всей этой истории было бесчисленное множество случайностей. Уволили одну работницу с Гданьской судовой верфи, и это мобилизовало нескольких ее товарищей на ее защиту. И вдруг родилась «Солидарность».

— Вы считаете, что «Солидарность» была исторической случайностью?

— Разумеется, должны были сложиться условия, сделавшие эту случайность возможной. Должна была возникнуть готовность

польских рабочих сопротивляться власти и готовность интеллигентов помогать, должны были возникнуть традиции недавней оппозиции. Благодаря этому движение «Солидарности» выросло в то, во что оно выросло, — в инструмент, с помощью которого коммунизм рухнул, хотя программы такой и не было. Кто еще в 80-е годы в Польше, кроме Стефана Киселевского, говорил о возврате к капитализму?

— Уж, конечно, не вожди «Солидарности»...

— Уж, конечно, нет.

— Еще в 1989 году, во время переговоров «круглого стола», не было программы быстрого возвращения к свободному рынку. Может быть, нам не следует удивляться, глядя на рабочих и других разочарованных — тех, кого радикальные перемены в экономике захватили врасплох?

— Вероятно. У свободного рынка есть свои тяжелые стороны. Но ликвидация свободного рынка — куда большее несчастье. Быть может, некоторые люди верят, что свободный рынок сам справится со всеми социальными вопросами. Если они так считают, то они неумны. Нельзя положиться на рынок, который должен действовать автоматически. Даже Адам Смит, говоря о «невидимой руке рынка», провозглашал совсем не то. В Польше политические перемены проходили эволюционным путем, и некоторых это провоцирует на глупую болтовню о том, что-де за «круглым столом» были заключены секретные соглашения, в результате которых партия согласилась отдать власть взамен за какие-то привилегии. Между тем мы знаем, что власть она тогда не отдала.

— Это верно. Но заключенный за «круглым столом» компромисс с коммунистами тяжким грузом повис на польской демократии, которая не сумела справиться с коммунистическим прошлым. Без ясного ответа остается вопрос, должен ли человек, который был чиновником коммунистического государства, стыдиться своего прошлого. Компрометирует ли это? Может ли он занимать любые публичные посты в независимой Польше?

— Наверняка должен стыдиться, но это не политическая категория.

— Важно ли при демократии прошлое политиков? Имеют ли право граждане знать об этом прошлом?

— Да, они имеют право об этом знать. Нормально, что мы хотим знать, кто кем был. Но это не означает, что человек, у которого в прошлом какие-то грехи, должен быть автоматически лишен стремления занять тот или иной пост. Речь идет о том, чтобы его прошлое было предано огласке.

Поэтому я стою за ныне существующую форму люстрации, которая касается лиц, желающих быть избранными или назначенными на определенные государственные и общественные должности. Но я против того, чтобы сделать достоянием гласности все гэбэшные материалы. Оглашение всего, что гэбуха писала, создало бы ад обвинений и оскорблений. Если же кто-то утверждает, что гэбэшным досье следует безоговорочно доверять, то он предлагает нам новую эпистемологию, новый критерий истины: истина есть то, что скажет гэбэшник. Пожалуй, это несколько рискованная теория.

— Чем польская демократия отличается от британской, которую вы знаете лучше всего? Верно ли, что в Великобритании текущая политика оказывает гораздо меньшее влияние на функционирование государства и государственных учреждений?

— Просто функционирует разделение властей: исполнительная, законодательная и судебная власти независимы друг от друга. Существует также вполне сложившийся класс «civil servants» — чиновников гражданской службы, независимых от политических партий, не сменяющихся в результате выборов и составляющих стержень государства. Этого в Польше по-прежнему нет, хотя много лет говорится о создании такой службы. Необычайно важно, чтобы основная структура государства была независима от политических партий. Этому мы можем учиться у англичан. Благодаря этому политикам у власти не приходится назначать родных и знакомых на разные важные должности.

— Есть, по-видимому, еще одна вещь, которой стоит у них учиться: принцип власти закона, без которой не только демократия, но и капитализм увечны...

— Капитализм сам по себе не обеспечивает ни власти закона, ни демократии. Власть закона — там, где отдельный гражданин может выиграть в суде дело против государства. Сегодня капитализм есть и в Китае, где по-прежнему продолжается идеологический деспотизм, где нет ни власти закона, ни гражданских свобод. Один свободный рынок не обеспечит власти закона и демократии, хотя он их необходимое условие. Необходимое, но недостаточное. В

Польше власть закона по-прежнему хромает. Может ли она излечиться? Я верю, что может. Там, где есть свобода слова, свобода критики, можно исправлять грубые злоупотребления законностью. Верю, что это возможно, и думаю, что с этой точки зрения Польша стоит на верном пути.

— От Западной Европы Польша отличается повсеместностью и живым характером религиозной веры, которая у нас остается массовой. Лучше всего это было видно, когда умирал Иоанн Павел II, но и каждое воскресенье костелы в Польше полны. Что это — признак нашей отсталости или наша положительная специфика?

— Все мы знаем, каковы исторические причины сильнейшего участия религии в национальном сознании. Признак ли это нашей отсталости? Нет. Во всем мире мы наблюдаем сегодня различные проявления возвращения к религии. Секуляризация распространилась в Западной Европе, но не в США — стране, которая стоит во главе всего технического прогресса. Нет никакой очевидной зависимости между техническим прогрессом и секуляризацией. Религиозные перемены приобретают в мире разные формы — например, развитие самых разнообразных сект в США и Южной Америке. Другой вопрос — нашествие ислама в европейские страны в результате иммиграции.

— А как вы относитесь к тому, что можно назвать дехристианизацией Европы, т.е. к исчезающему значению веры в жизни современных обществ? Может быть, для будущего Европы это процесс негативный?

— И позитивный, и негативный. Думаю, что человеческая потребность веры в такой порядок, который выходит за рамки наших технических возможностей, который не мы создаем, т.е. в какой-то божественный порядок, — это нормальная потребность. Ее не уничтожишь. Если т.н. секуляризация вела бы к забвению того, что существует нечто выходящее за рамки научно-технического прогресса, такая цивилизация шла бы к краху. Надеюсь, что этого все-таки не произойдет. Я, конечно, противник религиозного принуждения, обязанности исповедовать или не исповедовать ту или иную религию; я хотел бы, чтобы в государственных школах не было уроков религии, хотя несчастьем этого не считаю; я хочу, чтобы все государственные инстанции были секулярными. Тем не менее крушение веры, на мой взгляд, стало бы крахом цивилизации.

— Вы уже давно предвещали закат идеологий XX века, утверждая, что и социализм, и либерализм, и консерватизм

можно объединить в одно непротиворечивое множество чаяний или требований. Похоже, что именно это сейчас и осуществляется.

— Вы, наверное, вспомнили мой коротенький текст «Как быть консервативно-либеральным социалистом». В некотором смысле он был шуткой, но не только — он был также исповеданием неверия в великие идеологии, которые так долго правили нами. Разумеется, закат идеологий — не моя идея, она провозглашалась уже давно. Что мы под этим понимаем? Это не закат всякой веры, всех нравственных или политических принципов, а скорее закат всеобъемлющих доктрин, которые обещают нам решить все людские дела, обладают лекарством от всего — так же, как некоторые польские политики. Идеология, которая представляет себя в качестве универсального лекарства от всех человеческих забот и нужд, — это наверняка обман. Уже давно было сделано открытие, что не существует достаточных холистических социальных методов — кроме тех, которые проводят в жизнь тоталитарное принуждение.

— Значит, либерализм, социализм и консерватизм больше не будут критериями политических подразделений?

— Нет, не будут. Консерватизм — это вовсе не политическая доктрина. Существует приверженность традициям — дело нужное, и говорить, что всякая приверженность традициям консервативна в негативном смысле слова, — это чепуха. Прочитирую здесь сам себя: если бы люди неустанно не бунтовали против традиций, говорят нам, то мы до сих пор жили бы в пещере. Да, но если бы противостояние традициям стало глобальным, мы бы снова вернулись в пещеру. Либерализм, в свою очередь, сам по себе отнюдь не философия. Настолько, насколько он представляет собой апологию свободного рынка, он хорошо оправдан, ибо его противоположность — ГУЛАГ. Но вера в то, что свободный рынок все за нас устроит, действительно весьма неумна. А социализм — это вообще неизвестно что такое. Я хотел бы, чтобы те, кто и сегодня твердит, что исповедует социалистическую веру, разъяснили, о чем идет речь.

— Возможно, для них речь идет о социальной справедливости.

— Но что значит социальная справедливость? Чем отличается социальная справедливость от того, что в целом охватывается правовым государством, гражданскими свободами, свободой слова и различными учреждениями государства-опекуна, способными обеспечить людям минимум достойной жизни?

— В лозунге социальной справедливости речь идет, по-видимому, о том, чтобы у одних не было больше, чем у других...

— То есть чтобы царило равенство. Полное равенство возможно лишь с помощью тоталитарных средств, и тогда, разумеется, оно само себе противоречит, ибо тоталитаризм не может обеспечить равенство. Кроме материальных привилегий, которые обеспечивает себе тоталитарная власть, существует неравенство в благах, сегодня очень высоко ценимых: в доступе к информации и к участию во власти. Таким образом, полное равенство — внутренне противоречивый лозунг. Гражданское же равенство, пожалуй, повсеместно принято в цивилизованном мире или, скорее, составляет критерий, определяющий, что такое цивилизованный мир. По этому критерию мы близки к цивилизованному миру. А чересчур ли оптимистична или чересчур пессимистична эта оценка, пусть судят другие.

Беседу вел Ян Скужинский

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

• Новоизбранный президент Лех Качинский: «Не думаю, что я популист или националист. С национализмом меня ничто не связывает. Я патриот. Если я и чувствую связь с какой-то политической традицией, то это традиция государственников (...) Я за то, чтобы Европа была тесным союзом сильных государств (...) К сверхгосударству мы не готовы. Европа стоит перед вызовом глобальной конкуренции, однако передача власти Брюсселю, в результате чего у этой власти была бы слабая демократическая легитимизация, — не выход (...) Я считаю, что внешняя политика — важный элемент государственного суверенитета, а суверенитет имеет для меня огромное значение. С другой стороны, во внешней политике необходимо проводить множество совместных мероприятий — таких, которые будут в интересах всех и не нарушат ничьих интересов.(...) Будучи соседями, Польша и Россия должны решить множество важных вопросов. Растут польские инвестиции в России, развиваются торговые отношения между нашими странами. Введение Евросоюзом виз для российских граждан — не наша идея. Мы будем поддерживать все инициативы, облегчающие передвижение между нашими странами. Надеюсь, чаяния большинства российского общества сбудутся, и Российская Федерация станет полноправным членом европейской семьи (...) В интервью российскому телевидению я сказал, что хочу договориться, не отказываясь при этом от жизненных интересов Польши (...) Я охотно приму в Варшаве президента Путина. А потом с удовольствием съезжу [в Москву] (...) На выборах победила команда во главе с Ярославом [Качинским], а я буду президентом (...) Качинские хотели бы оставить Польшу хорошо функционирующим государством, с чьим мнением в Европе считаются». (Из интервью, опубликованных в «Политике» 29 окт. и в журнале «Ньюсуик-Польша» 6 ноября)

• «В конечном итоге Дональд Туск был обречен на поражение. Лех Качинский просто-напросто лучше подходит к такой Польше, какая она есть, — со всеми ее страхами перед утратой социальной безопасности, настороженным отношением к модернизации и приватизации, уверенностью во всеохватной коррупции, страхом перед чужаками и постоянной

необходимостью улучшать свое самочувствие, вспоминая историю, восстания, великие взлеты и поражения (...) У Ярослава Качинского и его партии на руках все козыри. В Сейме это самая большая парламентская фракция, которая может заключать коалиции как с «Гражданской платформой» (о чем было давно объявлено), так и с «Самообороной» и аграрной партией ПСЛ (...) В Сенате перевес «Права и справедливости» (ПиС) настолько велик, что она может ни на кого не оглядываться. Кроме того, у ПиС есть собственный президент (...) Одним словом, ПиС может совершенно самостоятельно сделать всё, кроме изменения конституции. С другой стороны, двойная победа возлагает на эту партию обязанность выполнить хотя бы часть особенно емких обещаний (...) Попытка выполнить их будет означать развал государственных финансов, а пренебрежение ими — развал пришедшего к власти формирования (...) Однако мы знаем (...) что Лех и Ярослав Качинские не принадлежат к числу безответственных политиков: у них очень развито государственное чувство, они привержены определенным ценностям и умеют быть прагматичными». (Янина Парадовская, «Политика», 29 окт.)

• ««Гражданская платформа» и «Право и справедливость» — это два разных представления о государстве (...) Обе партии разделяет, во-первых, их отношение к прошлому. Для ПиС история — один из самых существенных элементов программы (...) основа исторической политики, которая должна поддерживать общественное самосознание и быть орудием внешней политики. Между тем в программе ГП ссылки на историю отсутствуют (...) это программа, устремленная вперед, в будущее (...) Отличает их и отношение к государству и его роли в жизни общества. ГП считает, что государство должно быть сильным, но лишь в сфере переданных ему полномочий (таких, как администрация, безопасность, законодательство). При этом оно не должно вмешиваться в те области, где его присутствие бесполезно или даже пагубно (...) В программе ПиС критическая оценка состояния государства соседствует с глубокой убежденностью в его всемогуществе. Этим можно объяснить программное вмешательство государства в экономику, здравоохранение и строительство или желание сохранить контроль над некоторыми государственными предприятиями (...) Наконец, партии отличаются друг от друга отношением к понятию справедливости и методами его применения в политике. Нет смысла искать это понятие (...) в программных документах ГП (...) ПиС, у которого слово «справедливость» появляется уже в названии, ссылается на него часто, причем не только в юридическом, но и (еще чаще) в социальном контексте (несправедливый плоский налог,

несправедливое отсутствие семейных льгот в налоговой системе, справедливое использование экономического роста и т.д.)». (Дамиан Кальбарчик, «Тыгодник повсехный», 23 окт.)

• Проф. Ян Винецкий: «Польская политическая сцена четко разделилась на два порядочных лагеря. Я говорю «порядочных», потому что они наконец-то выражают интересы больших общественных групп. До сих пор многие из нас голосовали не «за», а «против» — например, против экс-коммунистов (...) или, наоборот, против профсоюзной клики из [нынешней] «Солидарности» (...) Сегодня, впервые за все время польских общественно-политических преобразований, в нашей стране сложилась ясная ситуация. С одной стороны оказались сторонники Польши вымогательско-паразитической, простирающейся от «Права и справедливости» до «Лиги польских семей», ПСЛ и «Самообороны» (...) С другой — сторонники Польши либеральной, рыночной, т.е. такой, в которой государство не отпугивает самых способных и трудолюбивых от обогащения, а они в свою очередь тянут вверх всех остальных — по крайней мере тех, кто хочет предпринять хоть какие-то усилия в этом направлении». («Впрост», 6 ноября)

• Братья Качинские могут рассчитывать на мощную поддержку со стороны продолжающего требовать привилегий профсоюза [«Солидарность»], однако у них есть и обязательства по отношению к нему, которые они взяли на себя во время предвыборной кампании. К сожалению, этих обязательств гораздо больше, а самые опасные обещания были даны Анджею Лепперу и [директору радио «Мария»] о. Тадеушу Рыдзыку». (Януш А. Майхерек, «Тыгодник повсехный», 13 ноября)

• «Во время выборов маршала Сейма в польском парламенте вспыхнул конфликт. Коалиция ГП и ПиС распалась прежде, чем успела как следует сформироваться (...) Голосами ПиС, «Самообороны», «Лиги польских семей» и ПСЛ [маршалом] был избран [представитель ПиС] Марек Юрек. Благодаря поддержке со стороны ПиС одним из пяти вице-маршалов стал [председатель «Самообороны»] Анджей Леппер. Вчерашние события привели к резкому падению курса золотого, польских акций и облигаций (...) Сразу же после голосования в Сейме Варшавский биржевой индекс (WIG20), поднявшийся утром на 1%, потерял 2%». («Жечпосполита», 27 окт.)

• «Варшавский окружной суд поручил судебному исполнителю принудительно взыскать с Анджея Леппера тысячу злотых (...) В ходе процесса по делу о клевете на политиков (...) нынешний вице-маршал Сейма обвинил суд в тенденциозности, за что на

него был наложен штраф в размере тысячи злотых. Процесс завершился приговором к 15 месяцам лишения свободы условно, штрафу в размере 20 тыс. злотых и выплате компенсации одному из потерпевших в размере 50 тыс. злотых». («*Тыгодник повшехный*», 13 ноября)

• Проф. Стефан Несёловский: «Такое сложное явление, как популизм, имеет целый ряд причин, однако мне кажется, что самая глубокая из них — разорение и опустошение, доставшиеся нам в наследство от нацизма и коммунизма, двух тоталитарных систем, которые господствовали в нашей стране на протяжении полувека. Уничтожение, истребление и пауперизация элиты, разрушение экономики, уничтожение духа предпринимательства, конкуренции, честности и добросовестного труда, подрыв уважения к государству, которое на протяжении нескольких поколений было не своим, а чужим и враждебным, наконец, искоренение навыка понимать и уважать демократию — вот результаты действий, символами которых в народной памяти остаются Аушвиц и Катынь». («*Газета wyborча*», 15–16 окт.)

• «Президент Александр Квасневский назначил правительство меньшинства во главе с Казимежем Марцинкевичем (...) По сравнению с кабинетом Марека Бельки, структура этого правительства несколько иная. Прежнее министерство экономики и труда разделено на две части, причем труд вновь перешел в ведение министерства социальной политики. Кроме того, создано новое министерство регионального развития, которое будет отвечать за расходование европейских субсидий. Министерство инфраструктуры называется теперь министерством транспорта и строительства. Министерство образования объединено с министерством науки и информатизации, а Комитет европейской интеграции присоединен в «персональной унии» к МИДу. Оба ведомства возглавил Стефан Меллер [до недавнего времени посол Польши в Москве]». («*Жечпосполита*», 2 ноября)

• «Волнения, связанные с формированием правительства, отрицательно влияют на иностранных инвесторов. Особенно негативно восприняли они субботнее интервью министра финансов Тересы Любинской, которая критически отозвалась о зарубежных фирмах, занимающихся в Польше торговлей (...) Со времени выборов курс злотого по отношению к евро упал на 11 грошей, а по отношению к доллару — на 15 грошей. В результате этих изменений за последние несколько недель внешний долг Польши, а также долг польских домашних хозяйств и фирм достиг уровня 6,2 млрд. злотых». («*Жечпосполита*», 8 ноября)

• Ежи Лукашевский, бывший посол Польши в Париже: «Похоже, что заметная часть польского политического класса (...) все еще не понимает исторического значения процесса интеграции (...) Она рассматривает действующий в Евросоюзе принцип солидарности как право требовать этой солидарности, но не обязанность ее проявлять». («Политика», 12 ноября)

• «Памяти правительства профессора Марека Бельки, правившего 1 год, 5 месяцев и 18 дней (...) Оно безуспешно пыталось убедить большинство поляков, что статистические данные не врут и в экономике наблюдается заметное оживление (...) Сдерживало падение злота и рывок «Самообороны» к власти, но под конец споткнулось об шахтерские привилегии (...) Было единственным правительством в истории Третьей Речи Посполитой, которое не поддерживал никто, кроме президента (...) В экономике были достигнуты вполне приличные результаты — невиданный за последние годы рост производства и пробуждение доверия к деньгам (...) Оно не обмануло ничьих надежд, так как поляки с самого начала не дали ему кредита доверия». (Витольд Орловский, «Газета wyborcza», 21 окт.)

• «Экономический рост — 3,4%, инфляция — 2,6%, застой в инвестициях, сохранение или даже небольшой рост уровня безработицы — так Институт экономических наук ПАН в своем последнем отчете «Польская экономика: прогнозы и мнения» оценил наследство, оставленное нам уходящим правительством». («Впрост», 13 ноября)

• «Экономика чувствует себя неплохо, общество, как показывает социальный диагноз, — тоже вполне прилично. Зато после четырех лет правления левых «Союз демократических левых сил» (СДЛС) практически исчез с политической сцены». («Жечпосполита», 18 ноября)

• Начальник Главного статистического управления (ГСУ) Тадеуш Точинский: «В Польше наблюдается спокойный, уравновешенный экономический рост. По прошествии трех кварталов хорошо видно, что двигателем роста продолжает оставаться экспорт, хотя улучшается и потребительский спрос (...) Занятость на предприятиях тоже систематически растет, причем ее рост становится все более быстрым (до 2,2% в год). В то же время не происходит значительного роста инвестиций». («Газета wyborcza», 26 окт.)

• Ги Сорман: «Добиться высокого [экономического] роста очень легко. Достаточно ликвидировать свободу и отменить демократию. Если бы поляки были рабами, если бы они

работали как китайцы и за такие же деньги, то на некоторое время вы могли бы обеспечить 12 процентный экономический рост. Но рост — не самоцель. Это лишь орудие повышения уровня жизни, построения счастья и расширения свободы выбора (...) Экономическая свобода — не единственный важный для людей вид свободы». («Политика», 29 окт.)

• «Перед сменой строя [в 1989 г.] ВВП на душу населения (по паритету покупательной силы) составлял в Польше 6 тыс. долларов. Сегодня он достигает 12,2 тысяч (...) Эти данные не учитывают доходов теневого сектора и денег, заработанных за границей (...) Еще в 1993 г. 74% поляков утверждали, что им не хватает средств на текущие нужды. Сегодня в этом признается лишь каждый третий (...) Начиная с 1989 г. мы купили 5 млн. новых автомобилей, 20 млн. холодильников, 25 млн. телевизоров. В тот год автоматическая стиральная машина была в шести десятых домашних хозяйств; сегодня — в девяти десятых (...) Поляки — обладатели самого большого количество недвижимости среди граждан новых стран-членов ЕС. Процент поляков, у которых есть собственные квартиры (62% — 8 млн. квартир), приближается к средней по ЕС (64%), однако в Польше ипотечным кредитом не обременены 90% квартир, в то время как в странах ЕС — только 50%. Кроме того, у поляков больше земли, чем у других жителей Евросоюза. В частных руках находится 14 млн. гектаров сельскохозяйственных угодий, 1,5 млн. га лесов, 60 тыс. га озер и 10 млн. участков». (Александр Пинский и Малгожата Здеховская, «Впрост», 13 ноября)

• По случаю Дня независимости президент Александр Квасневский наградил Лешека Бальцеровича и композитора Кшиштофа Пендерецкого высшей польской наградой — орденом Белого Орла (...) Большим крестом ордена Возрождения Польши награждены канцлер Капитула военного ордена *Virtuti Militari* бригадный генерал в отставке Станислав Наленч-Коморницкий и переводчик русской литературы, главный редактор «Новой Польши», публицист газеты «Жечпосполита», а в прошлом сотрудник парижской «Культуры» Ежи Помяновский». («Жечпосполита», 12–13 ноября)

• «59% поляков доверяют ЕС. Это на 3% больше, чем два года назад. Особенно выросло доверие к Евросоюзу среди крестьян — с 25 до 45%. 53% опрошенных положительно оценивают деятельность Европейской комиссии (...) Поляки оценивают деятельность европейских учреждений гораздо выше, чем польских». («Жечпосполита», 8 ноября)

• «Сбережения поляков растут. Это происходит прежде всего благодаря доходам от вкладов, а не затягиванию пояса. Все

большее значение приобретают инвестиционные фонды, а самые большие потери несут банки. На протяжении первого полугодия сумма сбережений поляков увеличилась на 9 млрд. злотых и составила 314,2 миллиарда. Это самый высокий полугодовой рост за последние несколько лет. Согласно этим данным, у среднестатистического поляка должно быть отложено на черный день 8 тыс. злотых. К сожалению, на самом деле это не так: у 70% поляков в запасе нет ни гроша». («Жечпосполита», 31 окт.)

• «В Польше осталось 1084 государственных предприятия. За последние 15 лет было приватизировано 5690 предприятий. В 2005 г. (...) до конца октября в бюджет поступило 2,7 млрд. злотых. Это менее 62% от запланированной суммы [доходов от продажи государственных предприятий]». («Политика», 12 ноября)

• «Фирмы, производящие котлы для альтернативного топлива, не успевают выполнять заказы (...) Поляки, перепуганные ростом цен на газ, солярку и уголь, отчаянно ищут более дешевые источники тепла. В домашних котельных уже начали топить соломой, зерном ржи и овса, а также опилками». («Жечпосполита», 17 окт.)

• «Пересмотр газовых договоров с Россией будет одним из приоритетов нового правительства», — заявил в пятницу премьер-министр Казимеж Марцинкевич. «Газпром» отреагировал в понедельник, потребовав повысить цены на поставляемый в Польшу газ (...) Премьер удивлен. «Трудно понять такой шаг «Газпрома», — говорит он». («Газета wyborча», 4 ноября)

• «По оценкам Института туризма, в этом году доходы Польши от туризма составят более 6 млрд. долларов. Это на полтора десятка процентов больше, чем в прошлом году». («Жечпосполита», 18 окт.)

• По данным ГСУ, более 1,3 млн. поляков работают нелегально. Для большинства из них это не способ подработать, а основное занятие. Средний месячный заработок нелегального работника составляет 392 злотых (...) За последние шесть лет число граждан, работающих нелегально, уменьшилось на 114 тыс. человек (...) В 1998 г. для 46% нелегалов работа в теневом секторе была единственным занятием. Теперь лица, рассматривающие ее в качестве основного занятия, составляют 63% всех нелегальных работников». («Газета wyborча», 26 окт.)

• Согласно опубликованному Европейской комиссией отчету о положении на европейском рынке труда, в Польше зафиксирован самый низкий в ЕС показатель занятости населения — только 51,7% всех граждан от 15 до 64 лет. Без работы остаются 40% лиц в возрасте от 15 до 24 лет (средний показатель по ЕС составляет 18,7%). В Польше также самый низкий в ЕС уровень занятости пожилых людей в возрасте от 55 до 64 лет — 26,2% (средний показатель по ЕС — 41%). Показатель занятости женщин лишь немногим выше 50% — хуже дела обстоят только на Мальте. Кроме того, мы — единственная страна Евросоюза, в которой в прошлом году увеличилась разница в заработках между различными секторами экономики и должностями». (*«Газета wyborcza»*, 20 окт.)

• «Желающие воспользоваться банком времени пишут на заявлениях свой адрес и телефон, а также описывают свои нужды и способности (...) У участников есть свои счета — как в настоящем банке. Каждый отработанный час вписывается в графу доходов. У того, кто воспользовался чьей-то помощью, снимается со счета время, которое она заняла (...) Правда, в Польше действует всего пять таких банков (в Варшаве, Вроцлаве, Зеленой-Гуре, Ополе и Познани), но при приходах и общественных организациях создаются новые (...) Банки времени — прекрасный выход для матерей, сидящих с детьми, или для молодых пенсионеров, которые не хотят или не умеют сидеть сложа руки. Это неоценимая находка для людей, размышляющих о смене профессии: в банке времени они могут проверить свои способности». (*Павел Врабец, «Политика»*, 12 ноября)

• «По разным оценкам, в Польше около 35–45 тыс. человек живут без крыши над головой, а еще ста тысячам грозит бездомность (...) В Польше действует 820 центров помощи бездомным. Количество мест в ночлежках оценивается в 15 тысяч». (*«Жечпосполита»*, 25 окт.)

• В опубликованном организацией «Transparency International» рейтинге стран, свободных от коррупции, Польша заняла 70 е место. Индекс восприятия коррупции (чем он выше, тем более безопасно чувствуют себя люди) упал в Польше с 5,57 баллов в 1996 г. до 3,40 в 2005 м». (*«Жечпосполита»*, 19 окт.)

• «Бывший министр юстиции Марек Садовский ответит перед судом за произошедшее по его вине ДТП. Со времени происшествия прошло почти 10 лет, на протяжении которых Садовского защищала судебская и прокурорская неприкосновенность». (*«Тыгодник повшехный»*, 6 ноября)

• «В начале 90-х поляки испытывали к судам доверие, достигавшее 80% (...) Сегодня судам доверяют 29% опрошенных (...) Граждане Польши доверяют судьям в два раза меньше, чем продавцам в магазине (...) В Польше свыше тысячи человек сидят в предварительном заключении больше двух лет, в то время как, согласно Уголовному кодексу, человека можно арестовать только на три месяца, а в исключительных случаях — продлить предварительное заключение до 12 месяцев (...) На 100 тысяч жителей у нас приходится 17 судей, между тем как в США и Швеции — четверо, а в Великобритании — двое». (Ян Пинский, «Впрост», 30 окт.)

• «Вся деревня стала горой за родителей-инвалидов, у которых суд отобрал двух дочерей. Дети попали к приемным родителям. Жители деревни скинулись на адвоката (...) «Мы живем скромно, но это не повод, чтобы отбирать у нас детей. Нашей семье причинили страшное зло», — говорят со слезами на глазах Ирена и Здислав Мазгай из деревни Новоселье близ Санок в Подкарпатском воеводстве». («Жечпосполита», 25 окт.)

• «Практика последних лет успела приучить нас к тому, что законодательный запрет на разжигание расовой или национальной ненависти остается в Польше мертвой буквой. Все подобного рода дела прекращаются ввиду «ничтожного общественного вреда» или же по ним выносятся двусмысленные приговоры». (Петр Братковский, «Жечпосполита», 29-30 окт.)

• «Высший административный суд (ВАС) постановил, что лица, принужденные уехать из Польши на постоянное место жительства после марта 1968 г. [в связи с антисемитской кампанией], не лишились польского гражданства. На основании оспоренных ВАС приговоров из Польши эмигрировало около 2 млн. человек — не только в Израиль». («Тыгодник повшехный», 30 окт.)

• «В селе Гута-Пеняцкая близ Бродов на Львовщине прошла траурная церемония в память о тысяче поляков, убитых там 28 февраля 1944 года (...) Село разрушила украинская дивизия СС «Галичина» вместе с [отрядами] Украинской повстанческой армии и украинцами из соседних деревень (...) Впервые, спустя несколько десятков лет, прежние жители Гуты посетили то место, где когда-то стояло село. Они приняли участие в поминальной мессе перед каменным крестом с двумя досками, на которых высечены фамилии известных (далеко не всех) убитых, а затем в освящении места казни. После этого они ходили по полям, пытаясь найти те места, где стояли их дома и

похоронены их близкие». (Петр Косцинский, «Жечпосполита», 22–23 окт.)

• «В пятницу в люблинском Европейском коллегиуме польских и украинских университетов прошла торжественная церемония, посвященная началу учебного года. В коллегиуме учатся 145 аспирантов, 109 из которых — украинцы (...) «Это Гедройц объяснил полякам, что их страна расположена не между Германией и Россией, а между Германией, Украиной, Белоруссией и Литвой», — сказал украинский историк и публицист проф. Богдан Осадчук. — (...) В будущем году здесь должен быть создан польско-украинский университет»». («Жечпосполита», 22–23 окт.)

• «В Белоруссии уже можно купить первый номер ежеквартального журнала «Магазин польский на уходзътве» («Польский журнал в эмиграции»). Редактируют его журналисты, связанные с не признаваемым белорусскими властями председателем Союза поляков Белоруссии (СПБ) Анжеликой Борис. Первый номер был отпечатан в Польше при поддержке созданного по инициативе «Права и справедливости» Комитета солидарности с Белоруссией. Журнал должен составить конкуренцию пропрезидентскому «Магазину польскому»». («Жечпосполита», 2 ноября)

• «Капитул премии им. Ежи Гедройца газеты «Жечпосполита» за деятельность на благо польских государственных интересов постановил присудить премию 2005 года выдающейся российской поэтессе и журналистке, борцу за свободу и права человека, большому другу Польши и поляков Наталье Горбаневской — за многолетнюю самоотверженную деятельность на благо укрепления дружбы, доверия и взаимопонимания между народами и государствами Восточной Европы, а особенно между поляками и русскими». «В 1968–1969 гг. Наталья Горбаневская была первым редактором издававшегося в СССР самиздатского бюллетеня «Хроника текущих событий», и уже одно это обеспечило ей прочное место в истории борьбы с тоталитарной системой». «Теперь я еще и член редколлегии журнала «Новая Польша»», — говорит Горбаневская. («Жечпосполита», 12–13 ноября)

• «Умер Александр Николаевич Яковлев (...) Для поляков он навсегда останется (...) человеком, благодаря которому после долгих десятилетий извращения истории Москва наконец публично признала, что ответственность за катынское убийство несут Сталин, НКВД и советские коммунисты. В 65 ю годовщину катынского преступления он был награжден за это

командорским крестом ордена Заслуги Республики Польша». («Жечпосполита», 19 окт.)

• «С 10 по 21 октября представители Института национальной памяти (ИНП) изучали в Москве 67 томов несекретных документов российского следствия по делу о катынском преступлении (...) Российская сторона не согласилась сделать ксерокопии этих документов. «Не предоставили нам и текст постановления о прекращении российского следствия по катынскому делу», — сообщил вчера в Москве Павел Кароляк из ИНП». («Газета wyborча», 25 окт.)

• Томаш Наленч: «В интервью правительственной «Российской газете» заместитель секретаря Совета безопасности Российской Федерации Николай Спасский обвинил Польшу в «смерти десятков тысяч красноармейцев, в 1920–1921 годах погибших в польских концентрационных лагерях» (...) Совместные выводы польских и российских архивистов и историков, опубликованные (в т.ч. и в России) в сборнике «Красноармейцы в польском плену в 1919–1922 гг.» [см. «НП», 2005, №10], свидетельствуют о том, что никакого истребления пленных поляками не было. Почему же высокопоставленный представитель российских властей повторяет ложь, бросающую тень на польско–российские отношения?» («Впрост», 23 окт.)

• Евгений Киселев, обозреватель радиостанции «Эхо Москвы», один из основателей НТВ и главный редактор «Московских новостей»: «Этот новый праздник вызывает у меня чувство стыда (...) Установленный Кремлем новый праздник имеет явный антизападный и антипольский подтекст (...) Это попытка напомнить россиянам, что их историческими врагами всегда были люди с Запада, в том числе поляки. Недавно мы прощались с Александром Яковлевым, который приложил немало усилий, чтобы рассказать правду о пакте Риббентропа—Молотова, разделе Польши, катынском преступлении. Теперь все это снова засекречено. В связи с этим я тем более хочу, чтобы читатели газеты «Жечпосполита» знали: в России есть миллионы людей, которые, как и я, считают, что такого рода действия позорят нашу страну; есть тысячи россиян, которые благодарны Польше за «Солидарность», которые помнят Валенсу и Кароля Войтылу и понимают, что произошедшие в России положительные изменения были возможны благодаря тому, что десятью годами раньше именно поляки дали импульс переменам — в том числе и российским». («Жечпосполита», 5–6 ноября)

• «Это была величайшая трагедия в истории варшавской Праги [некогда предместья, а ныне правобережной части города] (...)

Вчера в Праге отмечалась 211-я годовщина знаменитой резни (...) Наступавшие на Варшаву русские войска под командованием Александра Суворова штурмом взяли Прагу и 4 ноября 1794 г. вырезали более 20 тысяч человек. Жителей вытаскивали из домов и убивали на улицах. Дома поджигали (...) Спустя неделю охваченные ужасом защитники Варшавы капитулировали. Архиепископ Славой Лешек Глудзь отслужил в [пражском] кафедральном соборе вечернюю мессу за погибших в те дни пражан. После богослужения из собора двинулась процессия к кресту, посвященному памяти жертв резни, который стоит неподалеку от [православной] церкви св. Марии Магдалины. Надпись на кресте гласит: «Они погибли, потому что были поляками»». («Газета wyborча», 5-6 ноября)

• «Кем был Сократ Старынкевич? Этого не знают даже многие из тех, кто приходит в нашу редакцию, расположенную на площади, которая вот уже 112 лет носит его имя. Речь идет о «благороднейшем русском» (как спустя многие годы назвал его выдающийся историк проф. Станислав Хербст), в 1875-1892 гг. исполнявшем обязанности президента Варшавы. Недавно вышел [в польском переводе] его «Дневник», написанный в 1887-1897 гг., который был предоставлен директору Исторического музея Варшавы Анджею Солтану правнучкой президента Элизабет Старынкевич-Миллет [см. отрывки из дневника в «НП», 2004, №10]. В этих записках Старынкевич предстает перед нами человеком кристально честным и чутким, наделенным огромным чувством ответственности за судьбу препорученного его заботам города, а также, говоря шире, за уважение и справедливое отношение к полякам (...) Этого царского генерал-майора в отставке возмущало стремление к официальной русификации (...) Когда в 1902 г. Старынкевич умер, его провожали на варшавское православное кладбище тысячи благодарных поляков. Его ухоженная могила находится в тамошней Аллее заслуженных (с 1924 г.), восстановленный прекрасный бюст стоит на территории [построенной по его инициативе] фильтровальной станции (1996), а площадь [его имени] никогда не переименовывалась». (Мацей Росаяк, «Жечпосполита», 3 ноября)

• «Одним из последних [новоизбранного президента Леха Качинского] поздравил президент России (...) Письмо от Владимира Путина передал Качинскому поверенный в делах российского посольства. «Я рад этому визиту. Содержание письма дает хороший прогноз на будущее», — сказал Качинский». («Жечпосполита», 27 окт.)

- Согласно популярному в Варшаве анекдоту, телеграмма президента Путина новоизбранному президенту Качинскому звучит так: «ПОЗДРАВЛЯЮ СТОП НЕФТЬ СТОП ГАЗ СТОП» (Игра слов: в телеграммах польское «стоп» соответствует русскому «тчк» — Пер.). *(Первая программа Польского радио, 6 ноября)*

- «Начиная с 10 ноября Россия ввела запрет на импорт из Польши мяса и некоторых мясных изделий». (*«Жечпосполита»*, 10–11 ноября)

- «Через четыре дня после закрытия границ для польского мяса Россия ввела запрет на импорт наших продуктов растительного происхождения». (*«Жечпосполита»*, 12–13 ноября)

- «Если бы не мясо, нефть, газ и новый российский национальный праздник, связанный с поляками, мы могли бы сладко спать и видеть сны о Западе. И только о нем. Восток появляется в нашем сознании урывками, время от времени и главным образом в связи с Польшей. Сам по себе он руководителей наших СМИ не интересует (...) Их не интересуют сами украинцы, белорусы и россияне, которые в результате не могут интересоваться и нас, потребителей информации: мы слишком мало о них знаем (...) Занимаясь только жестами Кремля по отношению к Польше и отказывая в заинтересованности остальным россиянам, мы укрепляем в них ощущение изоляции, особенно болезненное для тех, кто идентифицируется скорее с западной, нежели евроазиатской цивилизацией. Мы не упоминаем о них ни в ЕС, ни в Совете Европы, ни в ООН». *(Кристина Курчаб-Редлих, «Жечпосполита», 18 ноября)*

- «В ходе закрытого процесса Варшавский окружной военный суд приговорил подпоручика Войцеха С., признанного виновным в шпионаже в пользу России, к трем годам лишения свободы и разжалованию (...) Войцех С. служил в Военной информационной службе». (*«Жечпосполита»*, 5–6 ноября)

- «Под лозунгом борьбы с терроризмом [США] напали на Афганистан, демонизируя талибов. Перед агрессией против Югославии общественному мнению внушали, что в Косове происходит геноцид (...) Сколько невинных людей погибло от американских и британских бомб, сброшенных на Югославию, Ирак, Афганистан? (...) Американские и британские летчики без зазрения совести разрушали экономическую инфраструктуру подвергшихся нападению государств, особенно Югославии, сознательно убивали безоружное мирное население». *(Тадеуш Самитовский, «Пшеглэнд православный», октябрь)*

- В полевом госпитале польской спасательной миссии в пакистанском городе Балакот помощь была оказана почти 700 лицам, получившим ранения во время землетрясения. В состав миссии входили 18 человек из гданьской и новосончской специальных групп — в т.ч. пожарные, спасатели, проводники собак, врачи. Они привезли с собой пять поисковых собак и специализированное оборудование, включая электронные детекторы. Миссия вернулась в Польшу 19 октября. («Тыгодник повшехный», 30 окт.)

- Согласно опросу Института «Пентор», «1 ноября [в день Всех святых] на могилы родных и близких собирается пойти 91% поляков (...) Половина из нас и так приходит на кладбище по крайней мере раз в месяц. Мы приходим туда, чтобы воздать дань памяти и уважения усопшим (так говорят более половины опрошенных), а также чтобы задуматься о нашей бренности и смерти (так считает каждый четвертый опрошенный). Для каждого десятого поляка это время молитвы». («Жечпосполита», 29–30 окт.)

- «В Польше уже появились кладбища для животных [под Варшавой, Быдгощем, Вроцлавом и в Лодзи], однако их все еще слишком мало (...) Это трогательные места — земля там усеяна маленькими могилками, богатыми или очень скромными, но всегда украшенными красивыми надписями, прославляющими достоинства умерших зверюшек, а также выражающими тоску и боль их хозяев. А на могилках подарки: искусственные мышки, резиновые кости, цветы и, конечно же, надгробные лампадки». (Марыля Вейс, «Кот», журнал для любителей кошек, ноябрь–декабрь)

- Проф. Зофья Келан-Яворская, лауреат премии Фонда поддержки польской науки 2005 года, называемой польской Нобелевской премией: «Палеонтология учит нас скромности, показывая, что человек — не господин творения, а продукт эволюции». («Жечпосполита», 8 ноября)

ЭТО СВОБОДНАЯ СТРАНА!

ДВАЖДЫ СИБИРЬ

Снегу навалило. И дальше валит. Даже в центре города, где снег быстро превращается в грузное черное месиво, белизна не уступает. Она покрывает толстым слоем улицы, площади. Только на мостовых можно победить ее благодаря безустанной работе снегоочистителей. Правда, и они не поспевали.

Снег шел густой и упорный. В дальних предместьях города возникали пространства, покрытые толстым слоем девственного снега, без человеческих следов. Только птичьими и собачьими пробежками были исчерканы эти белые полости. Некоторые улицы были окружены высокими сугробами: дворники широкими лопатами собрали снег.

Сегодня вдобавок начало вьюжить: сорвался порывистый ветер, поднимавший тучи белой пыли. Возле корпуса снег осклиз от ходьбы, и надо ступать очень медленно, на широко расставленных ногах. Так и передвигаются люди, низко опускают головы, защищаясь от ветра поднятыми воротниками пальто и курток.

Пожилой мужчина возвращался из магазина с покупками в сумке. Он уже подходил к двери, когда ветер разгулялся и резким порывом столкнул его с протоптанной дорожки в сугроб. Мужчина с трудом сохранил равновесие, но провалился в снег по пояс. Кое-как вылез и, отряхнув башмаки, поскользнулся — и снова оказался в сугробе.

— Сибирь, сучий потрох! — ругнулся он громко.

Час спустя в другой части города молодой мужчина, шедший энергичным, размашистым шагом, переходя площадь, поскользнулся на отполированном до блеска оледенелом снегу. Наверно, подошвы его модных полуботинок были слишком гладкие — поскользнулся на каблуках и больно упал на сидалище. Аж застонал, туша у него была та еще. Неловко поднялся, злой, раскрасневшийся.

— Сибирь, бля! — выкрикнул он с гневной страстью.

Согласитесь, что это весьма интересно. Два раза то же стихийное восклицание бессознательно вырвалось у пожилого

человека и у молодого, лет этак на тридцать младше.

Суровый зимний пейзаж сибирского Севера. Никакой Гренландии, Аляски — одна Сибирь.

Пожилой мужчина мог помнить те края по личному опыту. В Советском Союзе поляков вывозили в Сибирь, а до того — в России. Два века краеведческого опыта. У юноши же не могло быть личных ассоциаций. Быть может, он слышал о Сибири дома: отец, кто-то другой из близких могли совершить туда принудительное странствие. Или просто начитался воспоминаний ссыльных.

Вот так, размышляя об этом дважды повторенном восклицании «Сибирь!», я чуть-чуть было и сам не попался, не поскользнулся на снегу — спас меня металлический столбик, ограждавший тротуар от мостовой, за него я ухватился обеими руками. Не успел воскликнуть: «Сибирь!»

ЭРУДИТ

Они ходили втроем. Помоечники, бездельники, бродяги. Этой своей плетущейся, измаянной походочкой. Тепло одеты, хоть зимой, хоть летом, в слоях шмотья как луковица, с мешками на спине. Заросшие, кудлатые, покрытые многомесячной корой грязи, вьёвшейся в руки, лицо, во всё; лица у них на солнце переливались багрянцем, медью, бронзой, желтым и лиловым. Целая палитра. Они обходили город, как лесные звери свою заповедную территорию. На постой становились в подворотнях, под стенкой, на помойке. Из мусорных ящиков они черпали всякое добро, макулатуру, бутылки, металлолом — и продавали в скупку.

Минималисты потребностей и требований. Редуцированные существа. Можно было увидеть, как они на корточках сидят на улице, питаются обрезками колбасы, сыра, хлеба, извлеченными из челюстей мусоросборников. Вырытое из мусора меню они разнообразили объедками с тарелок в дешевых забегаловках, порой заходили в столовые для бедных и там иногда получали тарелку горячей еды. Утолив голод, сытые, радостно улыбаясь, они искали бычки. Рылись в урнах, вели поиски между плит тротуара. Жадно докуривали, и это была полнота счастья.

В зимнюю пору они грелись у батарей на вокзале, забирались на лестничные клетки домов, исчезали где-то в подземных частях города, знали тайные входы в горячее нутро столицы, размещались в котельных или возле водопроводных труб. Когда

их гнали, как докучливых насекомых, они удалялись без возражений и искали пристанища в другом месте. Скорее неразговорчивые, они издавали нечленораздельные звуки, несколько напоминающие покрикивание неведомых птиц, давно утратив потребность выговаривать слова полностью. Бывали они и весьма счастливы, это чаще всего случалось после того, как они напивались самым дешевым вином, так называемыми коктейлями и прочей отравой подозрительного происхождения. Улыбка украшала их лица, они покрикивали оживленней, жестикулировали и неловко подсказывали. Но никогда не скандалили, никого не задирали и радостям своим предавались в сторонке. Не заступали другим их столбовую дорогу и выбирали себе места постоя где-нибудь сбоку, в подворотнях старых доходных домов, по краешкам рыночных площадей или в бурьяне на берегу реки. Было их трое неразлучных дружков. Тот лысый, с рыже-сивой бородой патриарха и маленькими, но крайне живыми глазками, хоть такой же, как они, ободранный, с распухшими, как воздушные шары, ногами, отличался среди них ярко выраженной особливостью. Два его товарища, насытивши голод объедками с помойки или же клецками, картошкой и овощами из пластмассовой коробки, которыми угостила их добродушная кухарка из забегаловки, с великой жадностью поглотив еду и чувствуя сытость, распиравшую брюхо, впадали в глубокий сон где-нибудь на стеночке, окружающей какой-нибудь сквер, или в подворотне, принимали горизонтальное положение и переваривали съеденное, посапывая и похрапывая сквозь сон. А лысый бородатый патриарх усаживался отдельно, чуть в стороне от дружков, сразу вытаскивал из бездонного мешка пачку цветастых еженедельников и сосредоточенно предавался решению крестословиц, шарад, ребусов. Полностью поглощенный умственным развлечением, он огрызком карандаша заполнял соответствующие квадратики, подымал голову, морщил лоб и усиленно размышлял. И так часами. Те двое уже проснулись, покрикивают на него, жаждут пуститься дальше, а он их и не слышит, погруженный в свое захватывающее занятие. Они подходят, тянут его. Он неохотно встает. Трогается им вслед. Все трое шлепающей походкой, навьюченные набитыми мешками, куда-то поспешают. Однажды, испытывая неудержимое любопытство, я заглянул ему через плечо: он держал разложенным на коленях старый, изорванный журнал с крестословицей, занимающей полстраницы, — она была уже почти решена. Он еще ломал голову над несколькими пустыми квадратами. Ровным, старательным почерком чертил буквы. Они сложились в поддающееся прочтению слово — Бунин.

— Бунин, — повторил я бессознательно.

Он поднял голову. Поглядел на меня и добродушно улыбнулся.

— Хороший писатель, — произнес он хриплым голосом. — Первым в России получил Нобеля.

Я посмотрел на него изумленно. Он не переставал улыбаться. Я угостил его сигаретой. Он затянулся с наслаждением. Ладони у него были узкие, пальцы длинные. Жутко грязные, с черными когтистыми ногтями.

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ

Трое местных пьянчужек. Стояли между ларьками на площади Шембека. Знакомы были много лет. Стоят и ждут. Чего? Понятное дело — везенья. Что-то от торговцев получают за помощь в разгрузке товара. Порой ходят за макулатурой и цветными металлами. Или за чем-нибудь их пошлют. Кто-нибудь что-нибудь всегда подарит. Жалостливое сердце состраданием забьется. Братская душа отзовется в человеке, который рюмку мимо рта не пронесет. И уже можно в магазине пивка, вишневки или еще какой бормотухи купить.

Сегодня все складывалось плохо с самого утра. Торговцы не нуждались в помощи. Жалостливых сердец не находилось. Они стояли с сухой глоткой. Внутри их жутко трясло. Так жутко, что моментами казалось, будто эти тучи, черные и тяжелые, нависшие низко над землей, сейчас рухнут им на черепушку. Они пробовали отогнать мрачные мысли. Один начал анекдот рассказывать. Про мужика, бабу и еще одного мужика. Но так и не дорассказал, запутался, забыл. Второй принялся бредить о счастье. Что якобы один старик на этом базаре нашел двести золотых одной бумажкой. Ну и что из этого! Они уже давно ничего не находили. Ни одного золотого.

— Вырубись, хер сломанный! — проворчал первый второму, и его еще сильнее затрясло, а тучи сползали все ниже.

Третий, Хайло, с рубильником лиловым и крючковатым, с голыми деснами в хайле без единого зуба, начал так:

— А знаете, парни, что там дальше... — он протянул руку вперед, — лежит Ольшинка-Гроховская?

Разум что ли и память ему отбило! Они же все оттуда, парни из Грохова. Кто ж это не знает, что там Ольшинка-Гроховская.

Хайло не унимался:

— Но чего щас скажу, наверняка не знаете... — он задумался, лоб покрылся бороздами. — Тут великую битву поляки москалям устроили, сто и сколько-то там десятков лет назад, в ноябрьское восстание.

Они подняли головы и поглядели на него с изумлением. Хайло еще больше наморщил лоб, на этот раз голову повернул и руку вытянул назад.

— Там Иганская, верно? — Они поддакнули. С детских лет они бегали по булыжникам Иганской, Чапельской, оттуда на Вятрачную, Гроховскую и к озерку на Каменке.

— Иганская, — Хайло широко улыбнулся, обнажив голые десны, — тоже от восстания. Была такая битва под Иганями.

Они заморгали, никак не улавливая, куда Хайло ведет. А он говорит:

— Еще дальше — Жимирского, верно?

— Ну и что из этого? — разозлился первый.

— Ты что, сбрендил? — добавил второй.

— И вовсе не сбрендил, — возразил Хайло спокойно. — Еще Дверницкого...

— Дверницкого, — повторил второй. — Та самая Манька за магазином живет на Дверницкого. Кажись, в доме пять.

— Десять, — поправил первый.

— Дверницкий, наш генерал, — говорил Хайло как в трансе, — надавал москалям под Сточком. Еще Кицкого — Кицкий тоже генерал... Ну а Шембек? — спросил он и посмотрел на них высокомерно. — Скажите, парни, кто такой был Шембек?

Они не знали.

Перевод Натальи Горбаневской

К 70-ЛЕТИЮ МАРЕКА НОВАКОВСКОГО

Написанного Марекком Новаковским, кажется, так много, что в коротком тексте толком ни о чем и не расскажешь. Трудно даже установить, сколько книг напечатал писатель, отмечающий в нынешнем году свое 70 летие (Марек Новаковский родился в 1935 г. в Варшаве и с этим городом непрерывно связан до сих пор). Только одних названий книг-«премьер» больше пятидесяти — начиная с дебютантского сборника рассказов «Этот старый вор» (1958) вплоть до самого последнего тома прозы «Стигматики», изданного в середине 2005 года.

Трудность в подсчетах вытекает из того, что Новаковский — мастер малых повествовательных форм: повести — или, как теперь говорят, «мини-романы» — он пишет крайне редко, а за традиционные, «настоящие» романы вообще никогда не брался. Поэтому неудивительно, что во многих книгах Новаковского в новом составе повторяется ранее использованный материал. К этому прибавляются издания избранных рассказов. Наконец, многие его книги, а в 80-е годы — практически все, из-за цензуры выходили сначала за рубежом или в подпольных издательствах и только после проходили их официальные премьеры на родине. Так или иначе даже неполная библиография произведений Марка Новаковского производит сильное впечатление. Это один из самых работающих польских прозаиков последних пятидесяти лет.

То, что полка со всеми книгами Марека Новаковского протянулась бы в длину на несколько метров, конечно, не слишком важно. В конце концов, плодовитость еще ничего не решает. Куда важнее то, что писатель ни разу не изменил своему призванию, остался верным писательской миссии, которую осуществляет с полной убежденностью почти полвека.

Марек Новаковский впервые стал печататься в литературной периодике в 1957 году. Годом позже вышла его первая книга, вышеупомянутый сборник рассказов «Этот старый вор». Второй сборник прозы, «Бенек Цветочник» (1961), с тематической и формальной точки зрения продолжавший дебютантскую книжку, не только упрочил писательское положение Новаковского, но и на многие годы вперед создал

его образ в глазах публики. К писателю надолго приклеился ярлык певца социального дна, автора, заинтересованного особым вариантом маргинальности, специалиста по «черной прозе».

Предметом описания в своих ранних книгах Новаковский сделал замкнутую среду варшавских предместий — мир мелких преступников, алкоголиков, проституток и других отбросов общества. В этой среде, как заверял тогда Новаковский, сохранились взращенные традициями нравы и нормы поведения: лояльность, солидарность, гордость, бандитская честь. Молодого писателя этот маргинальный мир и его этика явно зачаровывали. Привлекательны они были и для интеллигентского читателя.

В следующих сборниках прозы («Сильный жар», 1964; «Запись», 1965; «Гонка», 1967) Марек Новаковский расширил свою «окраину»: рядом с прежними героями (людьми социального дна, преступниками, дегенератами) у него начали появляться рядовые граждане — мелкие чиновники, ларечники, рабочие. То, что раньше выглядело как увлечение пригородной экзотикой, постепенно превращалось в жестокий социальный диагноз. Исчезло противопоставление дегенерированных («больных») маргиналов «нормальному» («здоровому») большинству. Оказалось, что простые люди со страниц прозы Новаковского не находят себя в мире мелкобуржуазных чаяний, чувствуют, что окружены банальностью и рутиной. Стремясь изменить свою жизнь, они рвут социальные связи.

«Окраина» начала у Новаковского тревожно расширяться, а проза его — усложняться. А не надо забывать, что автор «Бенека Цветочника» сразу предложил читателю простые, новеллистические картинки, основанные на четком, иногда наивном анекдотическом сюжете. Теперь от сборника к сборнику писатель стал углублять психологический анализ своих героев, разнообразить и обогащать сюжетные конфликты, все смелее вводить автобиографические и даже автотематические мотивы (например, в поразительном, художественно впечатляющем сборнике «Червяки», 1968). Автор уже не занимался простыми записями из области пригородной этнографии — к началу 70-х он выступил как вполне зрелый писатель, литературно интересный, новаторский, иногда утонченный.

В 70-е годы, как и в предыдущее десятилетие, почти каждый год выходило по новому сборнику прозы Марека Новаковского. Некоторые из них были особенно доброжелательно приняты

критикой и читателями, а со временем вошли в канон современной польской прозы. Достаточно назвать два произведения 70 х, вызывающие восхищение и сегодня: «Свадьба еще раз!» (1974) и «Князь ночи» (1978). В первом из них, используя мотив свадьбы, один из ключевых в польской литературе, писатель показал нравственную деградацию современного ему общества, вывел растленную «пьяную Польшу» мелких мошенников и комбинаторов, презирающих закон и обычай, соединенных неформальными связями. А в «Князе ночи», рассказе, необычайно впечатляющем художественно, представление субкультуры и склада ума люмпенов писатель обогатил размышлениями о вечном конфликте между правдой действительности и вымыслом.

Во второй половине 70 х писатель был связан с формировавшейся тогда политической оппозицией. Он подписывал письма протеста и обращения к государственным властям, был одним из создателей независимого издательского дела. Самый видный из независимых польских литературных журналов того времени, «Запис», получил название от сборника его рассказов «Запись» [слово «запись» означает также цензурную запись о запрете на те или иные сведения, имена и т.п.]. Неподцензурным издательствам Новаковский вверил свои произведения, которые — из-за содержавшегося в них заряда язвительной критики — никоим образом не могли бы выйти в государственных издательствах, даже в смягченном виде.

После введения в декабре 1981 г. военного положения Марек Новаковский первым из польских писателей стал печататься в подпольных изданиях под своим именем. На протяжении многих лет он подвергался гонениям, а в 1984 г. несколько месяцев отсидел в тюрьме.

Литературным свидетельством этих горячих лет стали сборники «Рапорт о военном положении» (1982, вторая часть — 1983), «Заметки о повседневности» (1984), «Два дня с Ангелом» (1984), «Волки подходят со всех сторон» (1985), «Гриша, я тебя скажу» (1986, [заглавие по-русски с ошибкой]). Три первые книги написаны в форме обычного репортажа и по сей день считаются важным литературным документом, где писатель, как никто другой, передал ужас и печаль военного положения в Польше. Следующие книги из этой серии, хотя литературно более изысканные, — это произведения явно тенденциозные, даже агитационные, рассчитанные на то, чтобы скомпрометировать слуг тоталитарной системы.

Во второй половине 80 х в творчестве Марека Новаковского начинается новый этап. Недавний агитатор обращается к таким темам, как одиночество художника, опыт бренности жизни, ощущение собственной беспомощности. Несколько позднее, особенно в сборниках «Ното Polonicus» (1992) и «Греческий бог» (1993), писатель снова предпринимает попытку описать «больную Польшу», на этот раз «новую Польшу», страну, в которой идут глубокие преобразования. И опять перед нами мрачная, гнетущая картина современности. Писатель показывает распад социальных связей, хищничество восстановленного в Польше капитализма, бессилие государства и закона. Новаковский пишет портрет «нового поляка», испорченного человека цивилизации денег, безжалостного и деморализованного, но внимание писателя обращено и к проигравшим и отброшенным, к тем, кто не может найти себя в либеральной действительности, управляемой законами свободного рынка. В новых рассказах все чаще появляются уголовные фабулы (например «Выстрелы в гостинице «Георг»», 1997). Писателя, однако, интересует не фабульное обогащение сюжета, а радикальная критика социального порядка, наступившего в 90 е годы и непрерывно продолжающегося по сей день. Он равно клеймит как новые времена, так и эпоху «Народной Польши». Писатель, можно сказать, назначил себя стражем недоброй памяти о годах существования социалистической Польши. В 2002 г. он выпустил «Мой словарь ПНР», где, используя личный опыт, каталогизировал глупости и подлости тех времен.

Своеобразным противовесом радикальным, разоблачительным выступлениям писателя стали полные лиризма и тепла повести об уходящих в прошлое людях и пейзажах Варшавы (три сборника из цикла «Отблески», 1995–1998). В последние годы Новаковский несколько раз поражал сменой тона, например, опубликовав прекрасный, волнующий рассказ «Ампир» (2001) — о мальчике, которого отец из благих побуждений обманывает, желая привить ему восхищение довоенным миром, символом которого служит гостиница «Ампир». От писателя следует ожидать новых литературных неожиданностей — они идут на пользу его прозе. А то на протяжении десятилетий — можно считать, с момента дебюта и донине — Мареку Новаковскому приходится преодолевать поспешно и, пожалуй, несправедливо навешенные на него ярлыки: певец социального дна (60 е годы), агитатор (80 е), радикальный критик «новой Польши» (90 е и ранние 2000 е). Сила стереотипа жестока. Вероятно, поэтому новые книги Новаковского публика принимает не так хорошо, как они того

заслуживают. И в этом, разумеется, заключается потеря польского читателя.

ЛАБИРИНТ У МОРЯ

Душенька

*Я не вижу, чтобы Фрейд где-то поднимался
над собственной психологией, и не знаю,
каким образом он хочет избавить больных от того
страдания, которое мучит его самого как врача.*

Карл Густав Юнг

Уж не помню точно, по какому случаю я наткнулся на этот текст. По всей вероятности, это было в период, когда я писал эссе об Акрополе, а поскольку работа шла через силу, то я, как обычно в таких обстоятельствах, уходил в чтение, углублялся в труды, заметки, статьи, рассеянные по археологическим научным журналам, и делал из них выписки, заранее сомневаясь, что они на что-нибудь пригодятся. Сам себя самым очевидным образом обманывал. Я как будто хотел оправдаться, что, мол, не бездельничаю, не впадаю в духовную прострацию, поэтому занимался эрзацем работы, бесплодным и скучным, в надежде, что из этого бесплодия и скуки вдруг блеснет чистый луч вдохновения. А тем временем каждый ящик систематического каталога в библиотеках, куда я ходил, зиял сотнями заголовков на разных языках и как будто говорил: «Зачем трудишься, все уже написано, в этой области нечего добавить. Единственная роль, которая тебе может достаться, — роль компилятора».

И как раз в это время беспокойства и колебаний мне в руки попало письмо Сигизмунда Фрейда Ромену Роллану, написанное к 70 летию писателя и, как вытекает из характера письма, предназначенного для книги, которую друзья издавали в честь великого писателя.

Оставляя в стороне эпистолярную форму вступления и заключения, этот фрагмент из Фрейда можно рассматривать как эссе, тем более интересное, что создатель психоанализа применяет этот метод к самому себе, точнее к одному эпизоду из собственного опыта. Этот эпизод, отдаленный от пишущего на тридцать с лишним лет и на вид в высшей степени банальный, упорно появляется — как признаётся Фрейд — в

поле его сознания, притом без отчетливой основы или причины.

В 1904 году, рассказывает Фрейд, он и его младший брат, как каждый год в конце августа — начале сентября, собрались отдохнуть у Средиземного моря. На этот раз каникулы у них получались покороче, и они отказались от традиционной поездки в Италию, зато поехали в Триест, откуда собирались на остров Корфу, чтобы провести там несколько дней. Случайно встретившийся в Триесте знакомый резко их от этого отговаривал. На островах, доказывал он, в это время года очень жарко — куда приятней отправиться в Афины. Особенно удобна поездка морем, так как она оставит путешественникам три дня на осмотр города.

Это, казалось бы, разумное и привлекательное предложение вызвало у обоих братьев — удивительное дело — довольно мрачное настроение. Они блуждали по Триесту, никак ни на что не решаясь, и без особого восторга обсуждали план поездки в Афины, усматривая в нем одни лишь препятствия. Но когда наступило время и открылись двери «Ллойда» — они подошли к окошку и купили билеты, словно забыв на минуту о недавних возражениях.

«Пополудни в день нашего прибытия, когда я поднялся на Акрополь и охватил взглядом пейзаж, мне вдруг пришла эта удивительная мысль: «Значит, все это на самом деле существует — как мы учили в школе»». Это замечание не слишком оригинально, но оно верно передает чувства всех, кому было дано впервые стоять перед Колизеем, статуей Венеры Милосской или портретом Моны Лизы. И как раз в глубину этого переживания или ощущения Фрейд запускает аналитический зонд, чтобы показать, что оно не так просто и заурядно, как могло бы казаться.

По мнению создателя психоанализа, тут наступает особый случай сосуществования в одной и той же психике двух противоречивых подходов и вытекающих из них двух диаметрально противоположных реакций на действительность. Разумеется, это не какое-то там раздвоение личности, но внутри нее возникает тревожная щель, и прямое отношение между воспринимающим субъектом и объектом замутняется. Присмотримся к этому явлению поближе.

Характерная реакция, вытекающая из первого подхода, — удивление, что зримый глазами Акрополь существует на самом деле, как будто раньше были сомнения в его реальном существовании; знаменательная же реакция второго подхода

— «удивление этому удивлению», ибо реальность Акрополя никогда не была предметом сомнений.

Чтобы иллюстрировать первый подход, Фрейд говорит, что с некоторым преувеличением его можно было бы сравнить с реакцией человека, который, прохаживаясь по берегу озера Лох-Несс в Шотландии, вдруг видит тело знаменитого чудища, распростертое на берегу, и вынужден признать: так оно на самом деле существует, это морское чудище, в существование которого мы никогда не верили. А второй поход, добавим от себя, близок наивному реализму, он безоговорочно принимает чувственный мир, полностью открыт к не затуманенному никаким размышлением восторгу или ужасу.

Самым естественным истолкованием этих двух «конкурентных» чувств стало бы суждение, согласно которому есть принципиальная разница между тем, что мы испытываем непосредственно, и тем, что знаем из книг или от людей, и что как раз это взаимное наложение знания и зрения приводит к вышеназванному противоречию в чувствах и замутненному восприятию действительности. Но Фрейд отвергает такое истолкование как слишком банальное и ничего не объясняющее.

Он старается отыскать причины, по которым в Триесте он отталкивал столь привлекательную перспективу поездки в Афины, а на Акрополе его радость, вытекающая из прямого общения с шедевром архитектуры была заслонена глубокой тенью скептицизма. «Согласно свидетельству моих чувств, я сейчас стою на Акрополе, только не могу в это поверить» — или то же самое ощущение, выраженное категоричней: «То, что я сейчас вижу, нереально».

Скептицизм — вот надлежащее слово. Не только слово, но, по мнению Фрейда, что-то куда больше, ибо это глубоко укорененный в человеке психический механизм. Действие этого психического механизма мы хорошо знаем из повседневного опыта. Стоит нам встретить несчастье, как мы отталкиваем его криком «нет, не может быть», стараемся как бы ликвидировать эту часть действительности, отбросить ее за пределы нашего сознания. И автор приводит прекрасный литературный пример — фрагмент поэмы «*Au de mi Alhama*», в котором ясно проявилась эта защитная реакция. Король Боабдиль получает известие о падении Альгамы. Он хорошо знает, что это означает конец его царствования. Но, не желая этого знать, он относится к Иовой весте так, словно она его не достигла, словно, отбрасывая ее, может изменить ход событий:

*Cartas le fueron venidas,
de que Alhama era granada.
Las cartas echó en el fuego
y al mensagero mataba.*

Можно легко понять поведение и настроение короля. Он пытается попросту преодолеть свое бессилие, почувствовать, что его власть по-прежнему ничем не ограничена, поэтому он бросает письмо о поражении в огонь и приказывает убить вестников. Не имея возможности переменить судьбу, он уничтожает орудия информации.

Эту оборонительную реакцию нетрудно объяснить, и можно привести множество менее радикальных примеров, найденных в жизни, или литературных и более близких к общему опыту. Внимание Фрейда привлекает другая сторона действия того же, как он утверждает, психического механизма, темная, алогичная, противоречащая инстинкту самосохранения. И он старается показать, что человек реагирует так же, как на несчастье — то есть отбрасывая действительность, — и тогда, когда встречает внезапное счастье, крупную премию, выигрыш в лотерее, получает руку девушки, которую тайно любил. Эту реакцию хорошо передает разговорный оборот, существующий почти во всех европейских языках: «Это слишком хорошо, чтобы было правдой». В то время как защита от дурного поворота судьбы — нечто вполне понятное, почему, спрашивает Фрейд, мы реагируем рефлексом скептицизма и неверия на то, что несет с собой радость, на улыбку судьбы. Эту парадоксальную ситуацию он называет «проигрышем из-за успеха» и говорит, что люди заболевают не только в результате несбывшихся чаяний, но и тогда, когда их особенно интенсивные чаяния удовлетворены.

Самопсихоанализ был бы невозможен, если бы старый, 80 летний во время написания этого письма-эссе Сигизмунд Фрейд не вернулся памятью к временам своего детства и молодости. Он вспоминает нищету родного дома, душную, полную запретов атмосферу, молодость с ограниченными возможностями и горизонтами.

Нет, он никогда не сомневался в существовании Акрополя, но у него не было надежды когда-нибудь увидеть его своими глазами. И вот в тот день, когда это произошло, ему хотелось сказать брату: «Помнишь ли наши молодые годы? Каждый день мы ходили одной и той же дорогой в гимназию, в воскресенье

— в Пратер или ехали в хорошо знакомый нам уголок где-нибудь в пригороде. А теперь мы в Афинах, на вершине Акрополя! Какой долгий путь мы прошли!» «И если можно сравнивать малые вещи с великими, — продолжает Фрейд, — разве Наполеон в день коронации в Нотр-Даме не обратился к брату, говоря: «Что сказал бы наш отец, если бы был здесь?»»

Это — изъятие радостной гордости, но продолжается она едва лишь мгновение и почти тотчас оказывается замутнена сознанием нарушения табу, срывания запретного плода, глубоким чувством вины. Чувством вины? Да, отвечает Фрейд.

Перед кем? Отец Фрейда был довольно бедным купцом, не слишком образованным, и Акрополь мало что для него значил. Сыновья же его переросли. Они так сильно возвысились над его заурядным существованием, «свергли его с престола», и как раз в этом покушении на отцовский идеал следует искать это чувство вины, которое отнимает радость, долженствующую быть уделом тех, кто общается с шедевром искусства.

Здесь приходят в голову слова великого критика Фрейда: «Разве комплекс отца, без остатка понижаящий взгляды фрейдовской школы, доказывает, что она совершила какое-либо достойное внимания избавление человека от фатализма «семейного романа»? Этот комплекс со всей его фанатической жесткостью и преувеличенной раздражительностью — дурно понятая религиозная функция...»

В этом письме-работе, написанном под конец жизни, пожалуй, больше, чем в других трудах Фрейда, проявляется глубокий пессимизм автора. Это не только познавательный пессимизм — он касается самой природы человека, его принципиальной неспособности достичь счастья.

Я старался как можно более верно пересказать ход мыслей создателя психологии подсознательного, заключенный в его небольшой эпистолярной попытке объяснить некоторое частное психическое явление. А поскольку этот текст прекрасно и убедительно написан, я начал задумываться, не случилось ли со мной в жизни что-либо подобное. Так же, как, читая учебники психиатрии, мы из сочувствования находим в себе разные описанные там болезни.

Сначала я задавал себе вопрос, как обстоит дело с моим чувством вины перед лицом шедевров. Ответить нелегко: признание пробуждает чудовищ субъективизма, повелевает думать о детстве, жизненных невзгодах или о дорогах

отсутствующих, наших умерших близких, которым не дано было делить с нами радость от созерцания красоты.

Однако если я не впал в описанный Фрейдом скептицизм, если моя вера в реальное существование виденного не помутилась, то это происходило по нескольким существенным причинам. Раз я выбран — так я думал, — и выбран без особых заслуг, выбран игрой слепой судьбы, то я должен придать этому выбору смысл, отнять у него случайность и произвольность. Что это значит? Это значит оправдать выбор и сделать его своим. Представить себе, что я делегат или депутат от всех, кому не повезло. И, как положено делегату или депутату, забыть о себе, напрячь все свое восприятие и понимание, чтобы Акрополь, соборы, Мона Лиза повторились во мне — в меру, разумеется, моего ограниченного ума и сердца. И чтобы то, что я воспринял, сумел передать другим.

Тот факт, что перед шедеврами я чувствовал себя всегда неуверенно, я считал естественным. Шедевры обладают правом подрывать нашу зазнайскую уверенность и ставят под сомнение нашу важность. Они отнимали часть моей действительности, предписывали молчать, прекращать мышиную возню вокруг неважных и глупых дел. Они также не позволяли, как говорит Томас Мор, «слишком много хлопотать вокруг чего-то орудующего, которое зовется «я»». Если стоит называть все это сделкой, это была самая выгодная сделка из всех возможных. Взамен на смирение и успокоение они давали мне «мёд и свет», какого я сам в себе не сумел бы сотворить.

Один из смертных грехов современной культуры — то, что она малодушно избегает фронтального столкновения с высшими ценностями. А также дерзкая убежденность в том, что мы можем обойтись без образцов (как эстетических, так и нравственных), ибо наше положение в мире исключительно и ни с чем не сравнимо. Именно поэтому мы отвергаем помощь традиции, бредем в наше одиночество, роемся в темных закутках покинутой душеньки.

Существует ошибочный взгляд, будто традиция — это нечто подобное унаследованному имуществу и что ее наследуют механически, без усилия, поэтому те, кто выступает против наследования и незаслуженных привилегий, выступают против традиции. А между тем каждый контакт с прошлым по сути дела требует усилия, труда, при этом он нелегок и неблагодарен, ибо наше малое «я» верещит и защищается от него.

Я всегда желал, чтобы меня не оставляла вера в то, что великие произведения духа объективней, чем мы. И они будут нас судить. Кто-то правильно сказал, что не только мы читаем Гомера, смотрим фрески Джотто, слушаем Моцарта, но Гомер, Джотто и Моцарт приглядываются, прислушиваются к нам и констатируют нашу суетность и глупость. Бедные утописты, дебютанты в истории, поджигатели музеев, ликвидаторы прошлого подобны тем безумцам, которые уничтожают произведения искусства, так как не могут им простить покоя, достоинства и холодного сияния.

Дело Самоса

Кусок земли, оторванный от азиатского континента, — остров Самос на волнах Эгейского моря, красиво зовущегося здесь морем Икара. Пространство, отделяющее восточный мыс острова от материка, так ничтожно, что в погожий день опытный пловец переплывет его без особого труда.

Остров имеет удлинённую форму. В северо-восточной части море глубоко врежется в сушу, образуя залив. Здесь расположен главный порт и столица, носящее то же название, что и остров.

Поверхность гористая. Страбон, подчеркивая эту гористость, объясняет, что *samos* значит взгорье. Самые высокие горы находятся в западной части Самоса. Открытый к востоку, остров защищен с запада горным хребтом Керкетефс, достигающим высоты 1400 м и резко спадающим к морю.

Площадь Самоса — неполных 500 квадратных километров, так что это крупница в масштабе великих империй. Но значение этого острова превосходит его природные размеры.

Колонизированный греками примерно за тысячу лет до Рождества Христова, Самос стал центром ионийской культуры задолго до эпохи величия Афин. Большие храмовые здания, среди них огромный Герайон, возникают в VIII веке до Р.Х. В VII веке этот храм был обновлен, а затем, около 560 г. до Р.Х., перестроен архитекторами Ройкосом и Феодором. Это был крупнейший храм тогдашней Греции, внушительных размеров: 102 м в длину и 52 в ширину. Во времена Геродота столица острова, амфитеатром расположенная над морем, считалась одним из самых прекрасных городов мира.

Когда Афины еще располагали небольшим числом кораблей, могущественный самосский флот безраздельно господствовал на Эгейском море, добираясь до Сицилии, Эпира и своих многочисленных приморских колоний. Владетели Самоса

поддерживали дружественные отношения с Египтом, а восточные сатрапы относились к ним как к равным.

Самос — родина замечательных строителей, инженеров и архитекторов. Здесь работала знаменитая школа скульпторов и керамистов, и именно здесь было доведено до совершенства искусство плавить железо и бронзу. Несравненной была слава самосских архитекторов. По сей день можно восхищаться пробитым в скале водопроводом времен Поликрата. Когда Дарий решил построить мост через Дунай, он доверил надзор над работами самосским архитекторам.

При «ренессансном» дворе Поликрата, тирана Самоса, сына купца и врага аристократов, мецената художников, находились такие замечательные поэты, как Анакреон и Ивик. История сохранила также имена многих славных самосских живописцев: Калифона, Феодора, Тимофея, Агафарха. Агафарх работал и в Афинах и, по преданию, ввел живопись в театр (он был также автором несохранившегося трактата о сценических декорациях).

На Самосе родились философы Пифагор, Мелисс, историки Пагайос и Дурид.

Список самосских знаменитостей можно было бы значительно расширить. Следовало бы начать с Геры, которая по преданию родилась здесь, на берегах реки Имбрас.

Отступим от обычая описывать древние камни. Причина проста: я не знаю острова по собственным наблюдениям, если не считать открытки времен до I Мировой войны. На ней видна дорическая колонна без капители, одинокая, как фабричная труба, посреди сухого пейзажа на фоне выжженного неба.

Займемся здесь одним историческим эпизодом, известным как восстание или бунт Самоса. Он охватывает короткий отрезок времени от 440 до 439 г. до Р.Х., и многие историки отводят ему маргинальное место в греческой истории. Нам же это событие кажется знаменательным и породившим больше результатов, чем это описывают специалисты.

Из противоречивых источников и рассказов попробуем реконструировать эту историю, не тая сочувствия побежденным.

Итак, два великолепных ионийских города: Самос и Милет — находились в постоянном споре. Яблоком раздора была родина Биаса, одного из семи мудрецов, — Приена, расположенная на

побережье Малой Азии, вблизи устья Меандра. Споры греческих городов напоминали семейные ссоры, в которых трудно найти существенные причины и «кто начал первым». Обе рассорившиеся стороны входили в Делосский союз, позднее ставший называться Афинским морским союзом. Формально все члены союза, а их было свыше двухсот, обладали равными правами, и каждый из них имел один голос на собрании совета союза. На самом же деле в результате фактического превосходства решающий голос имели Афины.

В споре Самоса с Милетом разум повелевал, чтобы Афины ограничились ролью посредника и не становились ни на чью сторону. Трудно объяснить, почему Перикл, все ж таки опытный политик, позволил втянуть себя в опасную интригу, — если не принять передаваемой Плутархом сплетни, что это произошло по наущению Аспасии, которая была родом из Милета. Так или иначе, но Афины выступили против Самоса, признав спорный город Приену за Милетом. Самосцы почувствовали себя уязвленными и не согласились с этим решением. Произвол Афин ставил под сомнение их положение свободного государства. Ходили слухи, что самосское правительство не поддастся и будет бороться за свои права — даже выйдет из Афинского союза, что составило бы опасный прецедент, ибо такой шаг мог бы повлечь за собой цепочку бунтов других греческих городов против афинян. Поэтому Перикл решил действовать быстро и радикально, то есть произвести интервенцию.

Летом 440 г. до Р.Х. экспедиционный корпус на сорока триерах вышел из Пирея, чтобы усмирить бунтовщиков.

Первый акт самосской драмы разыгрался молниеносно. Взятый врасплох, остров попал в руки афинян, которые распустили правительство, создали новое, давшее гарантии верности, оставили на острове гарнизон, а также взяли в заложники 50 самых видных граждан и столько же детей и отправили их на остров Лемнос.

Дело казалось окончательно решенным. Апологет Перикла говорит, что афиняне установили на Самосе демократическое правление и уплыли обратно в Афины. Это звучит гладко, как отчет о школьной экскурсии.

Однако некоторые самосцы бежали от нашествия в Малую Азию и там искали помощи при дворе Писсутна, тогдашнего сатрапа Сардов. Собрав силы численностью около 700 человек, они высадились ночью на острове, свергли навязанное

правительство, привезли заложников с Лемноса, а афинский гарнизон выдали в руки персов.

Из мелкого эпизода, какими изобилует история Греция, дело стало серьезным, особенно ввиду того, что к бунтовщикам присоединилась Византия — колония, расположенная, правда, на северных окраинах греческого мира, но важная в торговом и стратегическом отношении. Перикл решил действовать безжалостно, пока не образовалась антиафинская коалиция.

440 год — вторая экспедиция против Самоса. Операция была задумана в крупных масштабах не только потому, что в ней принимало участие больше кораблей, чем в первой, но еще и потому — и это политический момент, — что в военных действиях на стороне Афин приняли участие союзники. Характерно замечание Фукидида, который говорит, что Перикл отправил на Хиос и Лемнос свои корабли, чтобы призвать эти государства участвовать в войне. Призыв, следовательно, должен был быть довольно категорическим.

Параллельно военным действиям Перикл со свойственной ему ловкостью вел дипломатические действия, имевшие целью изолировать Самос на, если можно так выразиться, международной арене — так, чтобы весь конфликт замкнулся во внутригреческих границах. Выделить персидским сатрапам за их нейтралитет некоторые суммы из казны союза (афинский вождь отчитывался в таких расходах перед афинским народным собранием простой формулировкой «использовано на нужное дело») — это еще в границах приемлемого. Отдать же персам греческие земли на Карийском побережье — это уже выходило за всякие границы.

Вторая самосская война протекала с переменным успехом. Перикл отправился в поход на Самос во главе 60 судов и одержал победу над неприятельским флотом около острова Трагия. Противник, однако, не был побежден и не потерял духа сопротивления, хотя афинские войска высадились на Самос и начали долгую осаду города и блокаду со стороны моря. Флоту интервентов пришли на помощь 40 кораблей из Афин и 25 — с Хиоса и Лемноса.

Узнав, что финикийские суда идут на помощь острову (это оказалось неправдой: на протяжении всего конфликта Самос был совершенно изолирован), Перикл снял 60 кораблей с блокады города и поплыл вдоль побережья Карики, чтобы перерезать путь финикийцам.

Тогда осажденные немедленно начали контратаку. В неожиданной вылазке, которая застала афинян совершенно врасплох, они уничтожили сторожевые суда и победили в сухопутной битве, взяв множество пленных. Море снова было открыто, и можно было снабжаться продовольствием и материалами, нужными для ведения войны. Небо над Самосом окрасилось тогда в цвет надежды. Это продолжалось целых 14 дней.

На девятом месяце осады истощенный войной остров сдался. Это произошло весной 439 г. до Р.Х.

Условия капитуляции были исключительно тяжелыми. Самосцы были обязаны скрыть стены города, сдать флот, предоставить заложников, оплатить военные расходы, исчисленные на головокружительную сумму около восьми с половиной миллионов драхм. На острове был оставлен афинский гарнизон, и Самос утратил статус государства-союзника.

Одним из афинских стратегов, принимавших участие в походе, был человек, обязанный своею славой не военным подвигам, а достижениям, противоречившим духу войны. В Греции не было понятия о профессиональных военачальниках. Это и объясняет, почему Софокл достиг сомнительной чести быть стратегом в этой братоубийственной войне, притом не за что другое, как за успех, который принесла ему поставленная в театре «Антигона». Точно неизвестно, каким полководцем был поэт. Античные сплетники сообщали, что больше всего во всей этой войне его волновало присутствие большого числа юношей.

С другой стороны фронта оказался философ Мелисс, сын Ифагена. Мелисс командовал воинами замечательно. Его тактические способности, берущие врасплох операции, молниеносные вылазки вызвали к нему полное уважение даже в лагере противника. Мелисс, как уже сказано, по профессии был философом и, что еще удивительней, сторонником учения Парменида, согласно которому бытие — одно, вечно, ничем не ограничено, бесконечно и неподвижно. В согласии с тем, как учил его учитель, Мелисс считал, что любая перемена, любое становление, любое движение — не что иное, как иллюзия. Тем не менее он был прирожденным военачальником, и то, как он вел войну, отнюдь не было иллюзорным.

Да, война не была диалогом поэта с философом. В ней полно настоящей смерти, настоящих ран, настоящей отваги и трусости. Древние битвы мы представляем себе на оперный манер, не вполне серьезными, — этому немало способствовали

исторические кинокартины. Вот по полю бегут мужчины в комической одежде, держа в руках анахронические орудия убийства. Та кровь в наших глазах окрашена в цвет стершейся фрески.

Мы не знаем даже приблизительно числа погибших, и, быть может, если бы мы его знали, наше воображение, вскормленное на огромных числах, наше восприятие, притупившееся после стольких смертоносных войн белых людей, не отозвались бы.

Во время самосской войны не обошлось без варварской жестокости, в которой обе стороны, победители и побежденные, корят друг друга. Самосцы, как сообщает Плутарх, выжигали на лбу у афинских пленных знак совы, афиняне же в качестве реванша клеймили схваченных защитников острова знаком самены, знаменитого военного корабля с задранном кверху носом в форме свиного рыла и изогнутым остовом.

Историк Дурид (правда, не современник событий) сообщает, что капитанов самосских судов после проигранной войны перевезли в Милет. Там их ждала казнь. На рыночной площади города их привязали к крестам на десять дней. Когда они теряли всякие силы, их били палками по голове, а тела разбросали по земле непогребенными. Дурид был родом с Самоса. Апологет Перикла говорит, что Дурид преувеличивал несчастья своей родины, чтобы тем самым оделить афинян худой славой.

В Афины Перикл возвращался в венке победителя. Выражение, разумеется, метафорическое, почерпнутое из римских обычаев. Во всяком случае энтузиазм толпы был небывалым и громкоголосым, как всегда, когда победа двусмысленна. История сообщает выразительный эпизод, героиней которого была Эльпиника, тогда почти 70 летняя старушка, сестра Кимона, вдова Каллиаса. Она была, должно быть, необыкновенной женщиной, а о ее жизни рассказывали невероятные и клеветнические истории — видимо, потому что она была сверх меры отважна и умна. Вопреки нравам афинских женщин ее интересы выходили далеко за пределы дома. Она осмеливалась — и это, наверное, вызывало священный ужас — брать слово в общественных делах, которые были исключительным уделом мужчин. О ней, в частности, говорили, что она сыграла роль посредника в кратком «перемирии» между Кимоном и Периклом в 461 г. до Р.Х.

И вот посреди всеобщего восхищения, когда женщины увенчали Перикла венками и украшали лентами, «словно

какого-то победителя в состязаниях», подошла к нему Эльпиника и сказала:

«Да, Перикл, твои подвиги достойны восторга и венков: ты погубил много добрых граждан наших не в войне с финикиянами и мидянами, как брат мой Кимон, а при завоевании союзного и родственного нам города» [приводится, как и след. цитата, а также дальше цитата из Телеклида, по «Сравнительным жизнеописаниям» Плутарха», пер. С.И.Соболевского в обработке С.С.Аверинцева].

Как сообщает Плутарх, Перикл отвертелся стихом Архилоха, стихом, который был и не совсем на тему, и не слишком изящен: «Не стала бы старуха мирром мазаться».

Не все люди в Афинах видели события так ясно, как Кассандра-Эльпиника. К стенам города приближался бурный вал Пелопонесской войны. Афинам оставалось всего лишь несколько лет мечтаний о могуществе. Только на первый взгляд все шло хорошо в этом лучшем из миров. Самос, как на несколько лет раньше Эвбея, был побежден и унижен, превосходство Афин еще раз подтверждено, но ненависть к победителям росла, особенно на востоке империи, после позорной передачи греческих карийских земель персам.

И, пожалуй, права Мари Делькур, автор замечательной монографии о Перикле, говоря, что именно с этой, казалось бы, малой войны начался упадок морского союза и сумерки политики Перикла.

Целью Афинского союза, созданного после битвы под Саламином, было, как мы знаем, освобождение ионийских городов и защита их от возможного нашествия персов. Но когда опасность нашествия варваров прошла, казна союза была перенесена с Делоса в Афины и стала инструментом афинской политики. Институт оказался прочнее, нежели цели, которые призвали его к жизни. Такие случаи известны не только из древней истории.

Одним из основных пороков этого союза было то, что хотя вступали в него добровольно, но выйти из него нельзя было без риска войны. Союзные города-государства должны были признать фактическое превосходство Афин, что лучше всего можно проследить в сфере экономического давления.

Большинство полисов платили в общую казну от одного до трех талантов в год — то есть сумму сносную, особенно если принять во внимание инфляцию. Но эту квоту могли

произвольно повысит, и дань, наложенная на Самос после неудавшегося восстания, составила 80 талантов в год, к чему прибавились военные расходы: бунтовщики вынуждены были заплатить Афинам тысячу талантов — что ложилось разрушительным грузом даже на самый богатый полис. По той же причине (бунт против Афин) Эгина платила 30 талантов в год. Через некоторое время дань была снижена до 13, а потом даже до 8 талантов. Было в этой практике нечто, что можно бы назвать наградой за лояльность.

Произвольно устанавливаемый размер финансовых выплат был не только инструментом афинской политики, но проявлялся и там, где в игру не входили политические факторы. Трудно объяснить, почему Фазос платил 30 талантов, а куда более богатая Византия — только 15. Этот налоговый произвол несомненно не прибавлял афинянам популярности

Драматург Телеклид в одной из своих комедий говорит, что афиняне предоставили Периклу:

*Всю дань с городов; он город любой мог связать иль
оставить свободным,*

*И крепкой стеною его оградить и стены снова
разрушить.*

*В руках его всё: и союзы, и власть, и сила, и мир, и
богатства.*

Одна из тех вещей, которые люди и народы прощают труднее всего, если вообще прощают, — это унижение. Простое военное поражение на поле боя — это еще приемлемо, ибо его всегда можно отнести на счет численного превосходства противника, неожиданности или неумения своих полководцев. Но раненая гордость не исцеляется легко.

В афинский репертуар методов унижения побежденных — наряду с учреждением военных колоний в стране ненадежных союзников — принадлежал снос стен захваченного города. Так случилось с Самосом и Эгиной. Город без стен был как бы выставлен на посмешище, отдан в опеку нежеланному покровителю и лишен какой бы то ни было защиты от любого агрессора. Эта политика была столь же нелепой, сколь и близорукой. Лучше понимал этот вопрос родственник Перикла Алкивиад, когда в 417 г. до Р.Х. вел переговоры о перемирии с Аргосом, обещая выстроить длинную стену, соединяющую город с морем по образцу афинской стены. И никто, пожалуй,

не питал иллюзий что, мол, Алкивиад относится к Аргосу или позже к Патмосу с бескорыстной любовью.

Итак, Афины победили в войне с Самосом, но победа была морально и политически сомнительной. Официальные восторги были огромны. Перикл, как пишет Ион, чувствовал себя невероятно гордым, говоря, что «Агамемнон десять лет осаждал город варваров, а он за девять месяцев взял ведущий и самый могущественный ионийский город!». Ради справедливости добавим, что это разнузданное хвастовство не слишком — то согласуется с тем, что мы знаем о Перикле, и его следует приписать какому-нибудь уличному льстецу.

Афины были не только колыбелью демократии, но и родиной риториков и софистов. Если невозможно управиться с делом, способным возбуждать моральный укор или прямо обвинение, следует изобрести термин, благодаря которому зло будет завуалировано. В таком поведении можно усмотреть элементы магии, веру, что в основе мира лежат не только вещи и события, но что и слово обладает конструктивной и творческой силой. Якоб Буркхардт в своей «Истории греческой культуры» говорит с восхищением — но и с иронией — об умении афинян говорить о самом худшем с предусмотрительной деликатностью, об их способности выискивать эвфемизмы. Так, тюрьму называли жилищем, дань — доплатой, оккупацию — охраной.

Традиционным голосом общества была аттическая комедия, художественное воплощение принципа, согласно которому гражданин демократического государства имеет право критиковать политиков и институты. Поразительно, что прямым результатом самосской войны было введение цензуры — первое в истории Афин, — запретившей комическим поэтам изображать на сцене лиц под их настоящими именами. Это деталь, заставляющая о многом задуматься. Она свидетельствует о глубоком внутреннем кризисе.

Резко воздвигнутая преграда свободе слова доказывает, что настроения афинян были, должно быть, далеки от официальных восторгов и оптимизма. В высшей степени вероятно, что в Афинах раздавались слова критики, а Эльпиника, прекрасный пример гражданской совести, не была исключением.

Историки защищают Перикла, говоря что не он был автором указа о цензуре. Вроде бы это решение было принято голосованием народного собрания во время его отсутствия в Афинах. Наконец, говорят защитники, сам запрет не

удержался, и через некоторое время (через два театральных сезона) эта практика, недостойная отчизны демократии, была оставлена.

Отчизны демократии? Да, в море варварства это все-таки была отчизна демократии, хотя она и навязывала иногда свою волю другим, уставя взор в свой идеал, в свою миссию, в свой единственно верный путь, по которому стремилась вести раздираемый склоками мирок греческих партикуляризов.

Нашей задачей не было попотчевать читателя сомнительным утешением, что в истории, мол, нет чистых дел, что под лозунгом свободы часто скрывается насилие и произвол, — некоторым это служит удобным оправданием нынешних и будущих злоупотреблений словами и силой. Если уж сам Перикл был «империалистом»...

Какую же пользу можно извлечь из напоминания об этой давней афере; в чем мораль этого повествования о захвате острова Самос? Думаю, вот в чем: возвращаясь с войны, агрессоры приносят в складках мундиров, на подошвах сапог — бациллу, от которой заразится их собственное общество, их собственные свободы.

Перевод Натальи Горбаневской

КАК ОНО БЫЛО С ЭТИМ КРЕМЛЕМ

Может, кто-нибудь побеседовал бы со знатоками темы — такими, что и меня постарше. Один из них — профессор Збигнев Вуйцик, автор замечательной «Истории России», второй — Ярема Мацишевский (давний мой политический противник), автор солидных, основополагающих трудов, среди которых «Польша и Москва. 1603–1618». Пока что приведу некоторые сведения из их книг, стоящих у меня на полке.

Оказывается, великий гетман Станислав Жулкевский^[1], победитель в битве под Клушином, вовсе не завоевывал Кремля — более того, не хотел даже вступать со своим войском в Москву! «В конце концов, — цитирую Мацишевского, — этого потребовали бояре» в страхе перед вторым Лжедмитрием^[2]. Жулкевский писал королю: «Когда появилась наша передовая стража, московская стража, понявши, что из войска самозванцева люди, кинулась биться в рукопашную, потом, когда узнали, что из войска Вашего королевского величества люди, сразу принялись с нашими радостно здороваться. Подъехал потом Иван Салтыков, Волуев и другие бояре, которые со мной, и принялись разговоры говорить, приветствуя друг друга, обнимаясь со слезами».

Жулкевский шел на Москву вместе с русскими отрядами — установив среди своих суровую дисциплину (авантюристов из Польши приводили на Русь один за другим самозванцы). И он, и бояре хотели посадить на царский престол [будущего] Владислава IV, но эта идея потерпела поражение... в Варшаве — от амбиций Сигизмунда III: король сам хотел стать царем. Жулкевский, разочаровавшись, оставил Москву к сожалению ее жителей. Русские прощались с ним крайне сердечно. А тот польский гарнизон Кремля, что потом сдал его Пожарскому, еще за полгода до этого хотел оставить и Кремль, и Москву, потому что король не выплачивал им жалованье. Многие из них заплатили жизнью за то, что вытворяли не они, а вышеупомянутые авантюристы. Сами они вели себя дерзко и вызывающе.^[3]

Не впервые тогда поляки (с польскими шотландцами) вступили в Москву и Кремль — они вошли туда в 1605 г. с

первым Лжедмитрием, у которого, кстати, была политическая жилка: он обещал провести в России серьезные реформы. Но это к слову. Интереснее кажется мне то, что в 1600 г., еще при Борисе Годунове, в Москву отправилось численно огромное польское посольство великого канцлера литовского Льва Сапеги, которое — разумеется, не без тайных договоренностей с боярами — везло проект практического присоединения России к Речи Посполитой с тем же статусом, что у Великого Княжества Литовского. Бояре могли бы селиться и занимать должности в обоих государствах Речи Посполитой, а шляхта из этих государств — в России; можно было бы заключать успешные браки (в XVI веке долгое время шляхтич с коронных земель, женившись в Великом Княжестве, не мог получить в собственность имущество жены). Войны они вели бы вместе и вместе пользовались плодами завоеваний: общими были бы союзы и враги, общий монетный двор и общий флот! После смерти нынешних властителей во главе стал бы общий властитель. Я не назвал здесь еще разных других общих дел, а также, что важнее, свобод, дарованных русским боярам. На это они больше всего и рассчитывали...

Россию разрушило жуткое царствование Ивана Грозного, многие земли только сто лет спустя после его смерти вернулись в земледельческий оборот! Уже в вышеупомянутом 1600 году Россия жила в предчувствии катастрофы — хотя историки и договорились называть Смутным временем период, начавшийся несколько позже, с кошмарными годами повсеместного голода и трагических крестьянских войн, когда год от года становилось все хуже, а сменявшие друг друга цари, включая самозванцев, погибали от руки убийц. Вдобавок с 1605 г. буквально по всей России, даже в самой глубинке, бесчинствовали польские авантюристы, явившиеся с самозванцами. Самые умные люди в Польше (Замойский, Жулкевский) не поддерживали самозванцев; от авантюристов же в Польше прямо отмежевывались: их звали приватниками, сеймики, как в коронных землях, так и в Литве, выносили постановления не помогать им — пусть сами расплачиваются за то, что творят. Самой дурной славой пользовались т.н. лисовщики, грабители и бандиты из отрядов Александра Лисовского, но не намного лучше были и другие, в том числе донские и польские казаки. С ними справиться было трудней, чем отобрать из польских рук Кремль: если бы кремлевскому гарнизону пообещали выплатить невыплаченное жалованье, он ушел бы сам, не дожидаясь подмоги.

Вся эта история свидетельствует о том, что сегодня в Кремле никто не собирается задавать вопросы специалистам, в данном

случае историкам. Признание за поляками завоевания Кремля, что не удалось ни Наполеону, ни Гитлеру, не приносит нам никакого удовлетворения, потому что, как мы видим, поляки его не завоевывали ни тогда, когда пришли с Лжедмитрием, ни после, с Жулкевским. О посольстве Сапеги есть работа Тышковского, вышедшая в 1927 г. и нуждающаяся в переиздании. Вот это был бы, если уж надо, комплимент — польским и литовским умам.

А теперь Россия объявила Польше экономическую войну. Хотя наши свиньи — отнюдь не лисовщики.

1. В русской исторической традиции — Жолкевский. — Здесь и далее прим. пер.
2. В.О.Ключевский пишет: «Присягнув Владиславу, московское боярское правительство (...) из страха перед московской чернью, сочувствовавшей второму самозванцу, ввело отряд Жолкевского в столицу».
3. Ключевский так описывает ход событий: «...составилось второе ополчение против поляков. По боевым качествам оно не стояло выше первого (...) Под Москвой стоял казацкий отряд кн. Трубецкого, остаток первого ополчения. Казаки были для земской дворянской рати страшнее самих поляков, и на предложение кн. Трубецкого она отвечала: «Отнюдь нам вместе с казаками не стаивать». Но скоро стало видно, что без поддержки казаков ничего не сделать, и в три месяца стоянки под Москвой без них ничего важного не было сделано. В рати кн. Пожарского числилось больше сорока начальных людей все с родовитыми служилыми именами, но только два человека сделали крупные дела, да и те были не служилые люди: это — монах А.Палицын и мясной торговец К.Минин. Первый по просьбе Пожарского в решительную минуту уговорил казаков поддержать дворян, а второй выпросил у Пожарского 3-4 роты и с ними сделал удачное нападение на малочисленный отряд гетмана Хоткевича, уже подбиравшегося к Кремлю со съестными припасами для голодавших там соотчичей. Смелый натиск Минина приободрил дворян-ополченцев, которые вынудили гетмана к отступлению, уже подготовленному казаками. В октябре 1612 г. казаки же взяли приступом Китай-город. Но земское ополчение не решилось штурмовать Кремль; сидевшая там горсть поляков сдалась сама, доведенная голодом до людоедства. Казацкие же атаманы, а не московские воеводы отбили от Волоколамска короля Сигизмунда, направлявшегося к Москве, чтобы воротить ее в польские руки, и заставили его вернуться домой. Дворянское

ополчение здесь еще раз показало в Смуту свою малопригодность к делу, которое было его сословным ремеслом и государственной обязанностью». Малоприятная иллюстрация «национального единства». Впрочем, тем, кто говорит, что лучше бы «День национального единства» сдвинуть на дату избрания на царство Михаила Романова, стоит прочесть описание земского собора у Ключевского: «соборные происки, козни и раздоры» — и вездесущий подкуп (даже князь Димитрий Пожарский с помощью денег надеялся быть возведенным на престол), а дело решили опять-таки казаки: «Главная опора самозванства, казачество, естественно, хотело видеть на престоле московском или сына своего тушинского царя [второго Лжедмитрия], или сына своего тушинского патриарха» («Филарет был ставленником обоих самозванцев, получил сан митрополита от первого и провозглашен патриархом в подмосковном лагере второго»). «...соборное избрание Михаила было подготовлено и поддержано на соборе и в народе целым рядом вспомогательных средств: предвыборной агитацией с участием многочисленной родни Романовых, давлением казацкой силы, негласным дознанием в народе, выкриком столичной толпы на Красной площади».

ДОБРОДЕТЕЛЬ В ОКОВАХ

Второй день масленицы 1846 года. Руфин Петровский, участник восстания 1830 г., эмигрант, затем эмиссар в Каменце-Подольском, после полутора лет, проведенных на сибирской каторге, где он работал на винокуренном заводе в Екатерининском под Тарой, пускается вечером в путь. На нем «три сибирские рубахи, из которых наверху цветная, жилет из толстого домотканого сукна, двое подштанников, широкие брюки из такого же сукна, как и жилет, полушубок по колени, хорошо скроенный, наверх длинная шуба, две пары шерстяных чулок, еще обмотанных суконными тряпками, новые сапоги, просторные, с длинными, в гармошку, голенищами...». Лысину он прячет под париком «из недубленной козьей шкуры шерстью наружу», парик подвязан платком через уши и прикрыт бархатной шапкой — такой, какую носят «зажиточные сибирские мужики по праздникам». Маскировку дополняет борода, которую он с момента вынесения приговора отпускал с мыслью о предстоящем побеге. Начинается поразительное странствие, которое приведет Петровского сначала в Архангельск, а когда окажется, что бежать из России на каком-нибудь торговом суде невозможно, — через Петербург и Ригу в Кенигсберг.

Одиссею Петровского мы знаем в подробностях благодаря его несправедливо забытым запискам, которые отличаются не только красочностью и литературными достоинствами, но и достоверностью. Не все побеги из Сибири кончались счастливо — правилом скорее была поимка беглецов и суровые наказания. Профессор Виктория Сливовская, замечательный знаток истории Польши и России XIX века, в 13 главах своей книги рисует захватывающую панораму судеб ссыльных — судеб трагических, волнующих, сенсационных. Она рассказывает не только о попытках индивидуальных и групповых побегов (первые чаще бывали удачные) и о мартирологии — вспомним хотя бы неудавшийся «омский заговор» (1833), закончившийся жестокой казнью, во время которой засекли насмерть свящ. Яна Серотинского и нескольких других осужденных. Она раскрывает действие царской полицейской и судебной машины, знакомит с реалиями жизни на каторге и «поселении», показывает отношения между поляками и коренными сибиряками. Автор изучает документы, проверяет свидетельства, известные из литературы, обнаруживая

неизбежный процесс мифологизации, в силу которой некоторые события приобрели символическое значение.

Трудно назвать всех героев «Побегов из Сибири». Среди них встречаются известные имена, такие, как Петр Высоцкий, глава заговора подхорунжих [положившего начало восстанию 1830 г.], который вместе с семьей товарищами предпринял в 1835 г. неудачную попытку побега. Приговоренный к тысяче палочных ударов, т.е. двукратному прогону сквозь строй пятисот солдат, вооруженных палками, он выжил, прожил еще долгие годы рудничной каторги, а затем поселения (на поселении он зарабатывал себе на жизнь производством мыла) и после четвертьвекового изгнания вернулся в родную Варку.

Во всемирную литературу вошли супруги Винцент и Альбина Мигурские, увековеченные Львом Толстым в рассказе «За что?» [у Толстого Винцент назван Иосифом]. Винцент, повстанец, карбонарий, эмиссар, был отдан в солдаты и сослан в Уральск; его невеста Альбина поехала вслед за ним — венчались они в доме батальонного командира. Их самоубийственная эскапада действительно была поразительна. Сначала они симулировали самоубийство Винцента — якобы он утонул в реке Урал, на самом же деле прятался в своем доме. Семь месяцев спустя Альбина, получив разрешение вернуться на родину, выехала в путь тарантасом. Муж, «нагой, прикрытый платьем своей жены», лежал в тайнике под тарантасом, среди багажа были гробы с телами двух их умерших дочек. Путешествие продолжалось только четыре дня, после чего арестовали как Винцента, так и Альбину, а с ней посвященную в тайну служанку Магду. После суда — впрочем, женщинам суд не назначил наказания — Мигурского перевели за Байкал, в Нерчинск. Жена поехала с ним в Нерчинск, где после очередных родов умерла. Винцент дождался конца каторги, умер в Вильне, оставив записки.

«Когда мы смотрим на портрет Альбины, — пишет Виктория Сливовская, — на ее строгий взгляд, сжатые губы, легко поверить, что она была инициатором этого безумного предприятия». Исследователь принимает на себя роль «адвоката дьявола»: вылавливает неясные точки «удивительной истории Мигурских», воспроизводит процесс мифологизации образа Альбины, из отважной женщины с сильной волей и, по-видимому, нелегким характером превратившейся в «польку-мученицу, образец для подражания».

В книге мы найдем и еще одну, можно сказать, любовную историю, на этот раз закончившуюся хэппи-эндом: я имею в

виду старательно подготовленный побег Ярослава и Пелагии Домбровских, в успехе которой немалая заслуга «друзей-москалей». Уже из Стокгольма Домбровский написал открытое письмо М.Н.Каткову, редактору полонофобских «Московских ведомостей»; в письме он выражал благодарность русским, сочувствие которых обеспечило ему помощь.

«Побеги из Сибири» — книга о запутанных путях людей, действовавших в истории, об их надеждах и драмах, о неискоренимой потребности свободы. А также о соотношении между легендой и фактами, которые легли в ее основу, и о различных мистификациях. Значительную часть посмертно опубликованных записок Шимона Токажевского написала, по-видимому, его вдова; Якуб Котон, автор интересных сибирских воспоминаний, оказывается подозрительным авантюристом... Труд Виктории Сливовской так плотен и так набит подробностями, что читатель иногда в них запутывается. Однако стоит углубиться в панораму «польской Сибири»...

Виктория Сливовская. *Побеги из Сибири*. Варшава, «Искры», 2005. 448 с., илл., прим., именной указатель.

МУЛЬТИКИ ПО ДОСТОЕВСКОМУ

Польская художественная мультипликация родилась в начале XX века, в 1910 г., когда, снимая на киноплёнку бой жуков, Владислав Старевич использовал метод покадровой съёмки. Он был к тому же первым в мире мультипликатором, который изобрел объемную кукольную технику, анимируя засушенных насекомых.

В пионерские для польской анимации времена значительный след в ней оставили Стефан и Францишка Темерсон. Их «Глаз и ухо» (1945), абстрактная игра образов, иллюстрирующих четыре «Слопевни» Тувима и Шимановского — шедевр польской авангардной мультипликации. Мультфильм Темерсонов вкупе с дадаистским стилем и нагромождением неологизмов в «Слопевнях» Тувима, с идиллической тематикой этих песен и звуками фортепьяно стал примером синкретического авангардного искусства.

Очередным направлением в польской художественной мультипликации стал сюрреализм. В 1957 г. Валериан Боровчик и Ян Леница сняли фильм «Жил да был...», который был художественной игрой, сочетанием штрихов, треугольников, черного пятна, вырезок из газет... Им же принадлежит еще более сюрреалистическая картина — «Дом». Боровчик и Леница соединили в ней несколько художественных методов: коллаж, деформированное движение актера, анимацию предметов и фотографий.

Золотым веком польского мультфильма было объявлено начало шестидесятых, когда среди аниматоров появилась масса индивидуальностей. Возникло настоящее авторское кино, интеллектуальная мультипликация. Здесь необходимо вспомнить восхитительные, нарисованные масляными красками на стекле живописные мультфильмы Витольда Герша («Малый Вестерн», «Конь») и комбинированные фильмы Мирослава Киёвича, которые философски, интеллектуально и сущностно обращены к познанию человека («Знамя»). Даниэль Щехура тоже выбрал тематику, которую можно истолковать философски и экзистенциально, но и с долей иронии по отношению к действительности («Кресло», «Хобби»). Леница прославился своим «философствующим» «Лабиринтом».

Важным событием в польском мультипликационном кино было появление в конце 1970 х молодых художников, связанных с краковским филиалом варшавской Студии киноминиатюр (позже — Студия анимационных фильмов), таких, как Юлиан Антонищак (Антониш), Рышард Чекала, Ян Янчак и Ежи Куча. Фильмы каждого из них отличались особым индивидуальным стилем и техникой. Чекала занимался вырезанием фигур из бумаги в реалистической, мрачноватой манере. Темой фильма «Поверка» были ужасы гитлеровской оккупации, чего в польской мультипликации до тех пор не встречалось. Ежи Куча приводил в движение фотографии, сосредотачиваясь главным образом на технике, но оставляя без внимания фабулу, которая в его фильмах часто бывала малосодержательна («Рефлекс»). Антониш же рисовал прямо на эмульсии пленки. В «Фобии» или в «Как действует Таксик» он выскабливал скальпелем узоры на фотопластинках, чтобы позже наполнить красками появляющиеся кадры. Нельзя обойти вниманием творчество Збигнева Рыбчинского, получившего Оскара за свое «Танго», рисующее «прозу жизни» с помощью гениальной, специфической техники обработки киноматериалов.

В начале 1980 х пришло новое поколение молодых творцов, в том числе Петр Думала. Художник дебютировал еще в 1976 г., однако его истинным дебютом оказалась выполненная в технике рисунка «Ликантропия» (1981), история о людях, надевших на себя волчьи шкуры. Потом была «Черная шапочка» (1983). Думала осветил «темную» сторону известной сказки, показав, как описанные в ней события высвобождают в героях низменные инстинкты. Поэтику черного юмора усиливает инфантильная манера рисунка, выполненного оригинальным методом выскабливания и росписи картинок на стеклянных пластинах. Его следующий фильм «Летающие волосы» (1984) в небанальной манере повествует о любви.

Последовавшие затем фильмы Петра Думалы стали шедеврами польской художественной анимации. Речь идет о фильмах «Кроткая» (1985) и «Преступление и наказание» (2002), основанных на произведениях Достоевского, и «Франц Кафка» (1991). Особого внимания заслуживают также метафорические «Стены» (1987) и погруженный в поэтику сна, абсурда и гротеска фильм «Свобода ноги» (1988)

Чтобы познать Петра Думалу как художника, следует начать с поиска источников его творческого вдохновения. Мы найдем их в живописи, европейском кино и в мотивах великой психологической прозы.

Что касается влияния живописи, то здесь Думала исходит из основного принципа мультипликации: картинка служит отправной точкой, она воздействует на зрителя, без слов разговаривает с ним. Режиссер жертвует диалогами ради живописной художественности и «речи» самого кадра.

В живописи Думалу вдохновляют художники-сновидцы, чьи произведения полны таинственности и символизма. Достаточно назвать Франсиско Гойю, создателя «Капричос», цикла гравюр, представляющего ночные кошмары, мрачные творения подсознания художника, в которых ужас смешался с гротеском. Лица персонажей «Преступления и наказания», особенно лицо старой процентщицы, непреодолимо вызывают в памяти лица с гойевских гравюр.

Несомненно повлиял на художника и сюрреализм Макса Эрнста, у которого из сплетения яви и грез, фантазии и реальности рождаются гротескные видения и новые неожиданные композиции. Думала признает родство и с Одилоном Редоном, и с Даниэлем Мрузом, польским графиком-сюрреалистом, автором мрачных, хотя и забавных иллюстраций к современной цивилизации. Ценит Эдварда Горея. Источниками вдохновения, плодами которого явились «Летающие волосы» и «Кроткая», были прежде всего Мунк, Рембрандт, Вермеер и Домье.

Заслуживает внимания изображение городов в фильмах Думалы. Мультипликатор создает Петербург XIX века или кафкианскую Прагу, основываясь на старых, по наитию выбранных фотографиях.

Влияние кино на Петра Думалу можно разделить на два направления. Одно из них — актерское кино, второе — анимационное. Объединяет их мотив сновидения, характерный для столь любимых Думалой режиссеров. Мультипликатор называет среди них Бергмана, Антониони, Бунюэля, Курасаву, Мунка и Полянского. В творчестве каждого из них, как, впрочем, и в них самих, таится загадка. Помимо них, художник указывает в ряду важных для него творцов Бастера Китона и Фридриха Мурнау.

Мультфильмы этого автора можно назвать немymi. В драматургии фильма участвуют музыка и естественные звуки, диалоги отсутствуют — поэтика, вероятно, вдохновленная немым кино, в частности творчеством братьев Люмьер.

С влиянием немого кино связано очарование мультипликацией. Шедевром анимационного жанра режиссер

считает двадцатиминутный немой, черно-белый фрагмент фильма Юрия Норштейна «Шинель» по повести Гоголя. Незаконченность произведения, над которым Норштейн работает в течение многих лет, и мастерство его формы вошли в легенду. Петр Думала называет в числе интересующих его авторов мультипликации братьев Квай, мир фильмов которых рождается из мертвых предметов, лоскутков ткани и сломанных пластмассовых кукол.

Автор «Кроткой» и «Франца Кафки» убедительно говорит о своей связи с литературой. Режиссер — поклонник Джонатана Свифта, Хорхе Луиса Борхеса, Альбера Камю. Однако наибольшее влияние на его творчество оказали, по-видимому, Достоевский и Кафка. Еще в студенческие времена, двадцатилетним студентом Академии изящных искусств в Кракове, будущий мультипликатор нарисовал черно-белый комикс на основе «Преступления и наказания».

Наряду с литературой, кино и живописью не менее важен для режиссера, по его собственному признанию, сугубо личный мир воображения и снов. Ему нередко случается записывать свои сны или делать по ним наброски. Открывающиеся воображению картины, считает художник, — это уже готовые сценарии, произведения.

Думала использует в своих фильмах оригинальную авторскую технику «оживления» образов, помогающую воспроизвести стилистику сновидения. Она требует огромных затрат отшельнического, уединенного труда. Занимает целые дни, месяцы и даже годы. Режиссер творит в уединении, в отрыве от реальности. Как все начиналось? Ставя «Летающие волосы», Думала начал искать технику, которая могла бы особенно внушительно показать ночь и отразить мрачный колорит фильма. Где-то случайно он наткнулся на замалеванный гипсовым раствором кусок фанеры, остаток материала от занятий 3 го класса художественной школы. Покрасив фанеру жженой умброй, он увидел, как под краской просвечивают бледные пятна. Эти узоры сразу его заинтриговали. Они создавали эффект проглядывания другой реальности. И подхлестнули его фантазию. На плоскости мало-помалу начал появляться ландшафт, и мультипликатор, прорисовывая его очертания и делая их более реалистичными, стал сильнее скоблить поверхность, пока его глазам не открылась белизна гипса. Она показалась ему небывало прекрасной, целомудренной, сияющей.

Техника Петра Думалы требует от своего создателя времени, сил и одиночества. Многие сравнивают его с монахом,

кропотливо переписывающим старые священные книги. Для появления нескольких кадров фильма, длящихся несколько секунд, художнику требуется много часов непрерывного «выцарапывания». В день рождается одна секунда фильма. Получасовое «Преступление и наказание» создавалось почти четыре года. 16 минутный «Франц Кафка» потребовал двух лет интенсивной работы, а 12 минутная «Кроткая» — девяти месяцев. Главные инструменты художника — гипсовая плита, покрытая темной краской, и скальпель. Одна картинка фильма длится 1/24 секунды. Для секунды фильма потребуется около двенадцати картинок. Эти сухие факты звучат неправдоподобно. Так же, как неправдоподобно таинственны анимации Думалы.

Такая филигранная техника позволяет придать рисунку мягкость, а каждое движение действующего лица оставляет как бы отпечаток на гипсовой поверхности, благодаря чему даже шевеление пальцем или бег часовой стрелки становятся необычайно плавными.

В фильмах «Франц Кафка» и «Преступление и наказание» автор к тому же использует многоплановость. На металлических консолях он плоско укрепил два больших стекла от старого аквариума. Каждое из них создает отдельный план, сквозь который просвечивают планы, помещенные ниже. Боковое освещение исходит главным образом от одной лампы, реже — от двух. Иногда режиссер усиливает освещение деталей при помощи маленьких зеркалец. Благодаря этому образ приобретает глубину, а персонажи уподобляются настоящим актерам, движущимся в трехмерном пространстве.

Все время создания трех своих важнейших фильмов («Кроткая», «Франц Кафка», «Преступление и наказание») Думала провел в подвале. Под землей он чувствовал себя как в убежище. Вдали от суеты и людей отдавался магии создания движения.

Характерная примета всех без исключения фильмов Петра Думалы — сгущение сверхъестественных, иррациональных происшествий, атмосферных феноменов, непредвиденных действий главных героев. Фабулу и действующих лиц окутывает аура необычности и тайны. События не вытекают одно из другого, нарушены логика и плавное течение повествования. Зритель чувствует себя погруженным в сон, полный символов и недомолвок.

«Летающие волосы» — это рассказ о влюбленных. Начинается фильм безмятежно. Двое молодых людей, он и она,

прогуливаются под звездным вечерним небом. Однако спокойный пролог сменяется чередой тревожных событий. Влюбленные принимают бегать, а им вдогонку срывается буря; деревья, не выдержав сильного ветра, ломаются. С неба хлещет дождь — конечно, не обыкновенный атмосферный осадок, а дождь серебряных игл, которые превращаются в волосы. Абсурдная цепь событий напоминает невразумительный сон. Нарастают тревога и страх. Герои, с одной стороны, беззащитны, с другой — их чувство как будто и стало причиной повлекших друг друга загадочных атмосферных аномалий.

Подобным образом и герой «Стен» подвергается ряду необъяснимых испытаний. Он оказывается заперт в помещении без выхода, в четырех стенах неизвестной комнаты. Внимательно осматривает закрытое помещение, прислушивается к отголоскам, долетающим снаружи, ловит ухом каждый шелест. Его поведение напоминает поведение человека, находящегося в тюрьме собственной психики, человека эмоционально неустойчивого. Он ищет возможности бегства, но не находит ни одной двери. Неожиданно из мрачных коридоров появляется другая фигура — мужчина, который бросает монету в отверстие копилки. Узник, как оказалось, находился внутри копилки. Он сосредоточенно наблюдает падающую в замедленном темпе монету. Внезапно наступает темнота.

В фильме «Свобода ноги» зрителя вновь ожидают сумерки и лунная ночь. Некий человек во время сна вдруг распадается на части. Каждая часть его тела начинает жить своей жизнью. Так происходит по ночам, а утром, со звоном будильника, все члены тела возвращаются по местам. До тех пор, пока однажды мужчина не обнаруживает отсутствия одной ноги, не вернувшейся к хозяину и выбравшей свободу. События набирают темп. Нога удирает по улицам города, ее преследует толпа безногих инвалидов. К разъяренной погоне присоединяется хозяин ноги. Тут вдруг у ноги вырастают крылья, и, будто птица, она победно взлетает в небо. Инвалидам только и остается, что провожать вождьленную беглянку взглядом. Можно сказать, что в этой галлюцинаторной притче торжествует гротеск и сюрреалистический взгляд на мир.

Последние три фильма Петра Думалы — «Кроткая», «Франц Кафка», «Преступление и наказание» — насквозь пропитаны онирической символикой и удивительными метаморфозами людей и предметов.

«Кроткая», основанная на одноименном рассказе Достоевского, представляет историю одного брака. Союз двух абсолютно несхожих между собой людей кончается самоубийством молодой жены. Режиссер, придерживаясь основного мотива — страдания тяготящейся своим супружеством молодой женщины, показывает ее внутренние переживания при помощи сюрреалистических картин, полных призрачных видений. К примеру, символом нарастающего семейного кризиса становится увеличивающийся в размерах черный паук.

Не менее богат странными происшествиями, превращениями действующих лиц и предметов «Франц Кафка». Это фантастическая биография писателя, навеянная дневниками и фотографиями Кафки. Впрочем, у этого фильма мало общего с документом. Думала представляет жизнь художника на грани двух миров, реального и вымышленного. Аниматор как бы вызывает дух Кафки. «Франц Кафка» — это своего рода онирическое повествование о человеке, мучительно ощущающем собственное бытие.

Доминируют сцены фантастических метаморфоз главного героя, его превращений в различных животных. Мы видим обнаженного молодого человека, лежащего на постели. В мгновение ока он обращается в лежащее на спине и перебирающее лапками гигантское насекомое, напоминающее кузнечика. В другой раз зритель видит писателя в процессе творчества. Он сидит за столом, а лист бумаги и ладонь, держащую перо, освещает огонек свечи. Вдруг вместо Кафки мы видим крота, сидящего в тесной норе. Зверь тоже что-то пишет, и его освещает все та же свеча. Самая загадочная во всем фильме сцена — превращение Франца в собаку.

Последний, самый длинный фильм Петра Думалы, «Преступление и наказание» по Достоевскому, рассказывает об убийстве. Нет, однако, никакой тайны, затемняющей преступление. Нам известны и жертва, и преступник. Зрители становятся свидетелями приготовлений и осуществления убийства, жертвой которого становится не только старуха-процентщица, но и ее сестра Лизавета. Тайна и напряжение кроются в психике героя, в самом мотиве преступления. Убийство — поступок иррациональный, какого мы не желали бы увидеть и во сне.

Думала рассказывает историю, полную ужаса. Серия странных событий предвещает убийство. По дверной ручке стекают капли крови, сливаясь прямым в тарелку. Все напитки, которые пьет Раскольников, в прозрачных стаканах

окрашиваются в цвет крови. Падающее с подоконника красное яблоко оставляет кровавый след, а в зрачке будущего убийцы появляется циферблат часов. Накануне убийства Раскольников засыпает в своей комнате — во время сна его окутывает болотный туман.

Сцена убийства исключительно жестока и кровава, но вместе с тем таит в себе недосказанность. В момент занесенного над жертвой топора глаза Раскольникова становятся глазами хищной, жаждущей крови птицы. Словно подглядывая, зритель видит преступление сквозь оконное стекло. Автор показывает убийство Алены Ивановны, как Достоевский.

Мистическую интонацию фильма усиливает фигура седобородого старика в шляпе, кого-то вроде раскольниковской тени. Он подглядывает за Соней, ему открываются недра психики молодого убийцы. В одной из сцен он взглядом вызывает на стене образ женщины. А в конце концов совершает самоубийство. Знаменательна сцена на мосту, в которой тень Раскольникова исчезает. Мужчина попросту растворяется во мгле.

Думала трактует свое произведение как притчу, историю, кем-то однажды рассказанную, а позже ему приснившуюся. В «Преступлении и наказании» он изменил порядок событий по сравнению с литературным оригиналом. У Достоевского убийство процентщицы совершается в первой части романа, все остальные события становятся его следствиями. Режиссер же переносит кульминационный пункт фабулы в финал.

Петр Думала — творец исключительный, создавший неповторимую авторскую поэтику и стиль. Сам он не раз признавался в том, что в процессе творения, оживления своих фантазий чувствует себя чародеем. С одной стороны, во всей полноте ощущающим красоту мира, с другой — свидетельствующим об окружающем нас зле. Благодаря виртуозной и трудоемкой технике рождается движение, лица Раскольникова, старухи-процентщицы и Кроткой оживают словно в актерском кино.

Фильмы Думалы — это территория мифов и универсальных смыслов, сродни появляющимся в снах. Самое главное для него, по его словам, — воображение и отрыв от реальности. Его стихия — мрак, ночь, тени. Мир этого художника — это мир ребенка, изумленного многообразием и необычностью сущего.

ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

• В XV Международном конкурсе им. Шопена приняли участие 80 пианистов из 19 стран. Они были отобраны среди 257 кандидатов из 35 стран, стартовавших в отборочном туре и оцененных одной из двух комиссий. Во второй тур прошли 32 пианиста, а в финал попали 12 исполнителей. Бесспорным победителем стал польский пианист Рафал Блехач, скромный 20 летний юноша из городка Накло-на-Нотеци, который уже в первом туре восхитил публику и членов жюри своим исполнением. Вся Польша радуется, но... «Иногда в членах жюри больше от инквизиторов, чем от ловцов жемчужин таланта», — написала рецензентка «Тыгодника повсехного». «По решениям, которые они принимают, — пишет о членах жюри Яцек Марчинский, — видно, что предпочтение отдается безопасным истолкованиям (...) безупречности, так как она вызывает меньше всего споров. Поэтому в следующий тур конкурса проходят прежде всего именно такие пианисты». А Яцек Гаврилюк задается вопросом: «Так кого же ищет жюри? Пианистов с ярко выраженной индивидуальностью или выдающихся шопенистов? Соединить одно с другим довольно трудно». Королем «салона отверженных», главным недооцененным пианистом конкурса все в один голос признают австрийца Ингольфа Вундера. А вот победа Блехача приобрела в его родном Накле, где безработица выше среднестатистической, еще один неожиданный аспект. Ибо, как сказал вице-бургомистр городка, готовясь к торжественной встрече нового героя, «на самом деле эта победа важнее всего для самого Накла, для всех этих безработных. Пусть убедятся, что если чего-то хочешь, то можно сделать всё (...) найти в себе столько сил, чтобы больше не хлестать в парках эту дрянь, найти работу, начать жить, как люди». Рафал Блехач удостоился также специальных премий за лучшее исполнение полонеза, мазурки и концерта. Подробнее о конкурсе см. статью на стр. 64.

• «Музыкальные сопоставления: в салоне и в саду» — так называется шестое по счету музыкальное мероприятие, организованное при музее им. Анны и Ярослава Ивашкевичей в бывшем доме поэта в местности Стависко под Варшавой. «Выбор темы был продиктован желанием особо подчеркнуть

значение таких мест, как Стависко, — салонов, окруженных естественным садово-парково-лесным пространством. Они играют роль очагов истинной живой культуры, в которых интенсивно развивается культурная жизнь, а также ее широкое общественное и светское (в лучшем смысле этого слова) восприятие», — написала в программе инициатор мероприятия Алиция Матрацкая. Во время продолжавшейся больше месяца серии концертов можно было услышать произведения Моцарта, Шопена, Монюшко, Падеревского и Чайковского, а также народную музыку разных стран. Стависко приглашает в гостеприимную усадьбу Ивашкевичей на музыкальные, литературные и художественные мероприятия на протяжении всего года.

- В прошлом году в Польшу после долгих скитаний, начавшихся еще в войну, вернулись реликвии, связанные с Юзефом Пилсудским. Недавно они были выставлены в отреставрированном Милусине — усадьбе в Сулеювеке, где жил маршал. Все экспонаты принадлежат семье Пилсудского.

- Исключительно долгая и утомительная предвыборная кампания вызвала реакцию людей искусства. Об этом явлении пишет Дорота Ярецкая: «Искусство уже включилось в публичную дискуссию, что свидетельствует о взрослении польской демократии (...) С частью политического искусства у меня возникают трудности, так как в основном оно обращается не к реальности, а к тому, что представляют СМИ. Это искусство людей, сидящих перед телевизором, искусство наблюдателей, а не избирателей, которое, само того не сознавая, говорит о пассивности (...) Художники вовлечены [в политику], но вовлечены специфическим образом, по-польски. В их анархической позиции угадывается старый исторический мотив, а именно неприязненное отношение к четкому и наивному участию в политической борьбе на одной из сторон. Такое отношение унаследовано от поколений, «ужаленных» соцреализмом. Сегодня они выражают глубокое разочарование в любой пропаганде, в любых попытках привлечь на свою сторону, в любой просьбе открыть кредит доверия (...) Социологам, изучающим причины низкой явки, не помешало бы задуматься о сигналах, подаваемых искусством».

- В двух польских галереях искусств открылись обширные выставки польских художников мюнхенской школы. Именно в Мюнхене, который в XIX веке называли «баварскими Афинами», учились польские живописцы, чьи картины продаются сегодня на аукционах по самым высоким ценам. В Гданьске, в галерее Зенона Брама выставлено около 200 картин

90 художников, в т.ч. Ольги Бознанской, Юзефа Брандта, Александра и Максимилиана Герымских, Артура Гроттгера, Войцеха и Юлиуша Коссаков. «Студентов из Польши объединяли романтически-ностальгические мотивы, которые они с удовольствием представляли на своих картинах. Это были пейзажи, полные тоски по Польше, сцены из сельской жизни, картины на исторические темы», — пишет Александра Козловская. Работы все тех же Ольги Бознанской и Юзефа Брандта, а также Францишека Жмурки, Яцека Мальчевского и Генрика Семирадского украшают экспозицию в Силезском музее в Катовице. 48 полотен прибыли на выставку из Львовской картинной галереи.

• Об открывшейся в Киеве выставке «Украинский портрет XVI–XVII вв.» Петр Косевский пишет: «Это первая на Украине выставка, представляющая все наследие, собранное на ее территории (...) В связи с этим следовало бы задаться вопросом о понимании украинской культуры: что в нее включают, а что отодвигают на второй план? А также об отношении к Речи Посполитой, с историей которой связано большинство выставленных экспонатов: является ли она общим наследием белорусов, литовцев, поляков и украинцев или же отдельные народы будут отбирать из нее то, что сочтут «чисто национальным»? (...) Все еще жива традиция включать в украинскую культуру, понимаемую в «этнических» категориях, все достижения времен Речи Посполитой или (...) отодвигать значительную их часть на второй план под предлогом того, что польская культура была навязана извне (...) Но есть и третий путь, пропагандируемый, в частности, группой историков, связанных с проф. Ежи Клочовским. По их мнению, следует говорить о Речи Посполитой четырех народов. Что касается возникшей там культуры, то, вероятно, лучше всего (...) к ней подошло бы определение «клуб совладельцев». Подобный образ мышления не чужд и открывшейся выставке, на которой появляется даже термин «польско-литовско-белорусский портрет». Причем хочешь не хочешь, в этот «клуб» надо включить еще одного члена — Россию».

• Проф. Ежи Клочовский получил присуждаемую польским ПЕН-клубом премию им. Яна Парандовского. Премия присуждается с 1988 г. лучшим польским писателям за творчество в духе произведений Яна Парандовского. До сих пор ее удостоились, в частности, Ежи Турович, Лешек Колаковский, Ян Юзеф Щепанский, Тадеуш Конвицкий, Рышард Капустинский. В похвальном слове лауреату проф. Генрик Самсонович сказал, что человек — это особый вид, который чувствует себя хорошо во многих общинах, начиная с общности

веры, богословия и общечеловеческой солидарности и кончая самыми узкими, семейными узами. Он подчеркнул, что непреходящая заслуга проф. Ключовского состоит в том, что он показал, какую роль в этой пирамиде общин играет та часть Европы, в которой живем мы, поляки.

• В этом году Краковская книжная ярмарка прошла уже в девятый раз. «Постепенно она начинает играть роль варшавской Всепольской книжной ярмарки, — пишет Лукаш Голембёвский. — Именно в Кракове проходят презентации осенних новинок, выставляются книги, изданные к Рождеству. Решающую роль в победе Кракова над Варшавой сыграла атмосфера представления книг, а также более низкие цены — как выставочных помещений, так и гостиниц, ресторанов, конференцзалов. В последнее время Краков опережает столицу и по числу туристов». В ходе ярмарки были вручены премии Польской книжной палаты, присужденные в двух категориях. Премии за самую интересную презентацию книги в печати удостоился рецензент газеты «Жечпосполита» Кшиштоф Маслонь, а в электронных СМИ — Казимера Щука за программу «Издание второе, исправленное» на телеканале ТВН. Премия им. Беаты Павляк, журналистки, погибшей три года назад в результате теракта на острове Бали, присуждается за публикации на тему других культур, религий и цивилизаций. В этом году ее лауреаткой стала Иоанна Батор за сборник репортажей «Японский веер». Автор — научный работник, антрополог культуры. «Репортажи Батор, — пишет о ее книге Матеуш Фляк, — не претендуют на объективность и научный синтез. Их автор не хочет изображать из себя знатока. И все же превосходные, сделанные с помощью женских (читай: более восприимчивых) чувств наблюдения, собранные в богатый компендиум, приобретают ранг современных антропологических открытий».

• Среди бестселлеров последнего месяца на первое место выдвинулась книга Анджея Стасюка «По дороге в Бабадаг», завоевавшая в этом году премию «Нике». Следующий в списке — последний детектив Марека Краевского «Призраки в городе Бреслау», вводящий читателя в странный и захватывающий, хотя и очень эксцентричный мир межвоенного [немецкого] Вроцлава. В категории документальной литературы вслед за Иоанном Павлом II, который продолжает оставаться самым популярным польским автором, идут «Путешествия с Геродотом» Рышарда Капустинского. На десятом месте в этой категории стоит отметить любопытную биографию Яна Новака-Езёранского, написанную Ярославом Курским.

• Эта книга еще не вошла в списки бестселлеров, но все говорит в пользу того, что вскоре она в них попадет. Если уж писать о новинках польской литературы, то обойти молчанием «Условие» Эустахия Рыльского просто нельзя. «У меня нет ни малейших сомнений: «Условие» — это красивейшее польское прозаическое произведение, написанное после 1989 года, — констатирует Кшиштоф Маслонь. — Этот роман — просто шедевр (...) Рыльский написал роман (...) в котором столько тоски по прекрасному, романтическому, сентиментальному». «После полутора десятков лет молчания на литературную сцену вернулся Эустахий Рыльский, — пишет Дариуш Новацкий. — Читатель получил исторический роман, действие которого происходит в наполеоновскую эпоху. На самом же деле это произведение, прекрасно стилизующее классический исторический роман (...) «Условие» — книга замечательная. Некоторые сочтут ее классическим чтивом, другие будут восхищаться игрой в условности исторического романа. Одно можно сказать наверняка: Эустахий Рыльский создает яркие, выразительные сюжеты (...) подбирает героев романа и сталкивает их друг с другом так эффектно, что просто жаль с ними расставаться...»

• В этом году на XXI Международном варшавском кинофестивале было представлено 130 картин из 58 стран. Это была изумительная подборка превосходных и интригующих фильмов, многие из которых не попадут в широкий прокат. Впрочем, на польские экраны наверняка выйдет лауреат зрительской премии, фильм датчанина Андерса Томаса Йенсена «Адамово яблоко» — рассказ об антифашисте, который в рамках ресоциализации попадает в одинокую деревенскую церковку. Премию конкурса «Новые фильмы, новые режиссеры» жюри присудило Огнену Свиличичу из Хорватии за фильм «Прости за кунг-фу». «Атмосфера варшавского фестиваля напоминает былые «Конфронтации», — пишет Тадеуш Соболевский. — Сюда тоже невозможно пробиться, а залы заполнены студентами, пришедшими прямо с лекций. Тогда мы валом валили на западные фильмы, относительно которых были сомнения, выйдут ли они когда-нибудь на экраны. Теперь ситуация изменилась: у нас есть уверенность, что большинство демонстрирующихся на фестивале фильмов не будет идти ни в кино, ни по телевизору (...) Это порождает ответную реакцию, фестивали пытаются выровнять шансы фильмов из разных стран. Все больше зрителей начинают испытывать интерес к региональному кино (...) Кто бы мог подумать во времена прежних «Конфронтаций» (...) что в 2005 г. мы будем рваться на российский фильм, боясь, что это единственная возможность

посмотреть его. «Водитель Веры» Чухрая — фильм, превосходно стилизованный под старый Голливуд и советское кино 60 х, — был одним из самых популярных на этом фестивале (...) Честно говоря, я уже давно начинаю зевать при виде шоссе, идущего через американскую прерию. Сибирь и Киргизия мне интереснее, чем Техас и Аризона». В этом году фестиваль прошел под лозунгом: «Фильмы о людях, фильмы для людей». Среди его гостей были Вим Вендерс и Алан Паркер.

- Агнешка Осович назначена директором созданного министром культуры Института киноискусства. «Я считаю, что прежде всего институт должен попытаться заинтересовать зрителя польскими фильмами», — говорит Осович. А кинематографисты уже радуются: теперь у них будет за что снимать фильмы. Впрочем, главное, чтобы не менее довольны были зрители.

- Одним из первых проектов, реализацию которого хочет поддержать Институт киноискусства, может стать фильм о Варшавском восстании. Пока что объявлен конкурс на сценарий такой картины.

- Лодзь привлекает инвесторов и художников тем, что это крупнейший сохранившийся в первозданном виде промышленный город XIX века — с дворцами фабрикантов, фабричными комплексами, рабочими домами и дворами. Теперь на этом заброшенном пространстве будет создано нечто совершенно новое — квартал искусства «Lodz Art Center», в котором будет сосредоточена деятельность самых разных видов искусства. В бывших постройках лодзинского хлопкового короля Карла Шейблера будет отведено место и для многих лодзинских культурных мероприятий — прежде всего для Фестиваля диалога четырех культур. Найдется там и место для разнообразных экспозиций. В другом бывшем фабричном комплексе оборудует свою киностудию Дэвид Линч. «Теперь модно использовать старые фабрики в новом качестве, — говорит главный воеводский инспектор по охране памятников. — Кирпичные фасады старых лодзинских фабрик постепенно оживают».

- В этом году исполнилось сто лет со дня создания первого польского кабаре — краковского «Зеленого шарика», который устраивал свои представления в прославленном кафе «Яма Михалика» на Флорианской улице. «Интересует ли сегодня хоть кого-нибудь этот короткий эпизод в истории польской культуры? — вопрошает Иоанна Ольчак-Роникер. — А ведь в нашей несчастной стране, где художников веками мучают, заставляя раздирать национальные раны, эта непринужденная,

беззаботная забава «для себя и муз» была проявлением великой внутренней свободы. Она позволяла ее участникам свободно дышать — вопреки неволе, вопреки безнадежности». Далее, обращаясь к истории другого краковского кабаре, «Погребка под баранами», автор пишет: «Важно, что в неблагоприятные времена группа талантливых молодых людей вновь нашла место, где они почувствовали себя как дома и бескорыстно пожертвовали друзьям свою радость, свое время и свои таланты».

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Давно уже я ищу в нашей культурной периодике — а искать есть где, одних заглавий, заслуживающих внимания, выше полуста, — какой-то серьезной дискуссии по художественным вопросам. Разумеется, один за другим выходят номера журналов, свидетельствующих о возрождении мысли в категориях авангарда. Взять хотя бы издаваемые варшавскими университетскими кругами журналы «ЛитеРации» или «Текстуалии» — последний с подзаголовком «Палимпсесты литературные, артистические, научные»... Но все это происходит как бы на полях «мейнстрима», если вообще можно говорить о каком-то главном течении. Впрочем, если над этим задуматься, то ведь в нормальные времена всегда так было: программно-авангардистские журналы в межвоенный период издавались, в конце концов, малыми тиражами и не имели широкого читателя, а их значение в преобразовании художественного дискурса замечали обычно долгие годы спустя, когда они сами уже уходили в историю. То же самое и сейчас.

Только что вышедший номер «Текстуалий» издан тиражом 500 экземпляров и представляет собой типично групповой журнал. Таким он, вероятно, и останется. Тем не менее имеет смысл привести отрывок из открывающего журнал «программного» текста, принадлежащего главному редактору Жанете Налевайко:

«Где же тогда находят свое место «Текстуалии»? В их издательскую концепцию вписаны «максималистские аппетиты», на что указывает уже сам подзаголовок: «ПЛАН: Палимпсесты литературные, артистические, научные». Цель редакторов журнала — представлять интересные, заслуживающие углубленного размышления новейшие литературные, художественные и литературоведческие явления. В последнем случае определение «новейшие» означает не только статьи, посвященные текстам, которые вышли недавно. Предметом рассмотрения могут стать и литературные произведения, считающиеся «каноническими», при условии, что проблематика их будет поставлена и рассмотрена по-новому, с творческим отношением к традиции

истолкования. «Текстуалии» не собираются быть журналом, который состарится вместе с его зачинателями, поэтому на наших страницах всегда найдется место для способной молодежи, хотя и не исключительно для нее одной. (...) Мы хотим (...) избежать ошибочного впечатления, будто новая литература возникает в социальном и художественном вакууме, будто молодежь — как литературоведы, так и писатели или поэты — лишена своих учителей, предшественников, вдохновителей. Нам важно, чтобы, вписывая свои вопросы на палимпсест культуры, мы не замазывали их присутствия и хотя бы в известной степени сохраняли их (пусть путем соотнесения, напоминания, опровержения), передавая дальше, реконтекстуализировали (вот уж терминология родом из преисподней! — Л.Ш.), показывали с возможно более различных точек зрения».

В редакцию входит вышеупомянутая «способная молодежь», которая, как мы видим, уже на старте относится с дистанцией к себе самой, что выглядит особенно ценным, так как ставит под сомнение феномен, который в последние полтора десятка лет как призрак бродит по публичной художественной жизни, — террор дебюта (боюсь, что единственный польский журнал — но не выходящий по-польски, — не поддающийся этому террору, это «Новая Польша»). Совершенно скандально, что СМИ, охотящиеся за «свежачком» и живущие «сотворением новостей», если вообще замечают доказательства творческой активности зрелых и признанных художников, то к традициям обращаются лишь в исключительных случаях, а отделы критики популярных журналов сведены к коротким рецензиям как можно более сенсационной тональности, где углубленным размышлениям о культуре места не находится. Где те времена, когда в «Политике» шли дискуссии о состоянии и обязанностях литературы, а авторы рецензий на новые книги умели показать их место в историческом контексте? Эти времена не вернутся, в чем убеждает меня сравнение отделов культуры таких журналов, как немецкие «Штерн» и «Шпигель», двадцатилетней давности с сегодняшними. Везде одна и та же направленность: коротко, сенсационно и как можно более просто, потому что, как говорят в редакциях, «наши читатели такого сложного и длинного текста не прочитают, а если уж прочитают, то не поймут, а это снижает продажу журнала». Вот как пишет рецензии и комментарии к культурной жизни «невидимая рука рынка». Так что если есть какая-то надежда на поддержание дискурса, то, к сожалению, только в малотиражных групповых журнальчиках. И хорошо, что на них находятся средства: большинство из них — к примеру, выходящий раз в два месяца щецинский журнал «Пограничья»

— живут на дотации из казны органов местного самоуправления. Но не стоит забывать и о росте числа сетевых журналов, таких, например, как «Нешуфляда» («Неящик») или «Кумпле» («Кореша»), которые уже сегодня создают свое необычайно динамичное и интерактивное пространство литературной жизни. Правда, я не верю, что, как считают некоторые, сетевые журналы воцарятся в нашей художественной жизни и вытеснят из поля внимания «бумажную» словесность, однако не подлежит сомнению, что это новое средство может наделить художественный дискурс динамикой или даже повлиять на него.

Пока что, однако, останемся при «бумажной» периодике. В последнем номере катовицкого ежеквартального журнала «Фарт» (2005, №1) обращает внимание статья Павла Стангрета «Манифесты Тадеуша Кантора». Которому автор, кстати, посвятил еще одну статью — «На стороне авангарда» («Диалог», 2005, №11). Имя Кантора чаще всего воспринимается как связанное с авангардистским театром, а также с живописью — с литературой реже. Но этот режиссер, один из самых известных во всем мире польских художников, чей спектакль «Мертвый класс» наверняка входит в канон европейского авангарда, был также автором манифестов, сопровождавших его спектакли. В статье говорится:

«Кантор писал манифесты, которые мы можем назвать позитивными. Это значит, что оглашение манифеста не заменяло артефакта, как это часто случалось в художественных течениях авангарда (например, у футуристов или дадаистов). Из этого, однако, не вытекает зависимость искусства от манифеста. Он приобретает полную автономию ввиду иного характера художественного материала, из которого выполнен. Это отнюдь не второстепенное произведение, ставящее целью объяснить или провозгласить новое искусство. Манифесты Кантора составляют интегральную часть произведения искусства. Много раз во время выставок, хепенингов или других художественных акций органической частью действия было чтение манифеста публике. Бывало, манифест висел на стене среди картин. Такое отношение к текстам этого типа доказывает соположенность манифеста и произведения. В то же время такой ход придает автономию тексту манифеста как составной части всего художественного предприятия. Это значит, что произведения Кантора состоят из нескольких элементов, а манифест — часть спектакля, картины, выставки или хепенинга».

Павел Стангрет проводит интересный анализ некоторых программных высказываний Кантора. Вот один пример такого анализа:

«Посмотрим на текст «Литания искусства информель — 1955». Это один из самых любопытных манифестов Кантора. Уже в заглавии содержится намек на его жанровую форму. Весь текст исполняет содержащееся здесь обещание: он стилизован под литанию. Этот прием не ограничивается обычным перечислением. Кантор называет (располагая иерархически) одно за другим свойства художественного материала. В данном случае это материя, ключевой вопрос искусства информель (в понимании Кантора). Этот текст «манифестирует», провозглашает искусство, материалом которого является материя. Перечисление ее свойств и их описание в соответствующей очередности приводит к тому, что героем текста становится вещество, художественный материал. То, что о материи говорится в форме литании, направляет наше внимание на ее значение, ее вес в художественном творчестве. Литанию предваряет вступление: «Открытие неизвестной стороны реальности: // ее элементарного состояния // МАТЕРИИ. // Начинается великая Конкиста этого / таинственного Континента. // Лихорадочное исследование неизвестных территорий. // Новая Эпоха. // Человеческая восприимчивость усваивает все ее // свойства (...)». Только после этого перечисления наступает «их указатель — литания». Дальнейшие части текста рассматривают свойства материи. Они невероятно существенны для понимания функции вещества в произведении искусства. Вступление играет еще одну роль. Ознаменовать, манифестировать открытие материи — это приводит к возникновению нового искусства. Однако механизм ее действия неизвестен. «Великая Конкиста» входит и в участь автора. Это терра инкогнита, пространство, на котором еще не отпечатался след человеческой деятельности. Одновременно творить искусство, ориентированное по оси материи, — это необходимость, ибо материя уже «открыта». Поэтому необходимо разъяснять и толковать свойства материи, материала будущего произведения. Сознание того, кто оглашает этот текст, раздвоено. С одной стороны, он (как и читатели или слушатели) помещается на уровне «конкистадора», человека, вторгающегося в неведомые земли, которые еще только предстоит завоевать, познать. Но — и это второй уровень его сознания — он отлично знает свойства материи, относящиеся к ней эпитеты. (...) Дихотомическое (с одной стороны — неведение, с другой — знание) сознание того, кто оглашает манифест, выражает его экспериментальный

подход к вопросу. И в то же время подчеркивает авангардный, переломный характер его собственного творчества».

Кантор, часто называвший себя «наследником дадаистов», и ныне влияет на современное польское искусство; его творчество, вписанное в развитие авангардистских традиций, создает сегодня хорошую точку опоры тем, кто жаждет продолжать эти традиции. Поиски таких «покровителей», художников с большим авторитетом, которые, как в театре Кантор или Гротовский, способны влиять на экспериментальное мышление, — эти поиски представляют собой один из самых интересных феноменов самого молодого искусства. В литературе этого течения — не господствующего, однако внутренне весьма динамичного, как это видно по дискуссиям, разворачивающихся в кругу «варшавских неолингвистов» вокруг университетского журнала «ЛитеРации», — звучат такие имена, как Бялошевский, Карпович, Вирпша, Чич, Бучковский, то есть имена поэтов, до сих пор занимавших довольно «отдельные» позиции, функционировавших вне главного течения. На это обращает внимание один из самых видных критиков молодого поколения Яцек Гуторов. В статье «Великий Вирпша» («Тыгодник повсехный», 2005, №44) он пишет:

«Кто-нибудь мог бы сказать, что поэтический авангард 60–70 х годов возвращается — притом возвращается на свое поле. После «Задревесных слоев» Карповича (...) теперь вышли два долго пролежавшие сборника Вирпши (и, насколько мне известно, готовится избранное того и другого поэта). Если это так, если мы действительно встретимся с новым интересом к поэтическому авангарду тех лет, то, может быть, пора уже посмотреть на Вирпшу как на особого поэта, не дающего втиснуть себя ни в какие литературно-критические формулировки или мозаики. Эти стихи многое теряют, если читать их сквозь фильтр заранее принятой эстетики или философии чтения. И наоборот — они многое обретают, если читать их в отрыве от культурного контекста или интеллектуальных течений, иногда, впрочем, очевидных или подсказанных самим поэтом. По сути дела речь здесь идет — и всегда шла — о красоте синтаксиса и почтении к тайне. А также о моменте неожиданного удивления. У меня даже складывается впечатление, что, слагая стихи, Вирпша сам себя неожиданно удивлял. Хотя в них много печали и дурного настроения, их пронизывает импульс радости, связанной с творением, вызыванием, призыванием к бытию, хотя бы половинчатому бытию на листе бумаги. Радость писать. И еще пульсация, пульс, дрожь. Дрожание чего-то бесконечно иного. А

может, скорее дрожание, вызванное тем бесконечно иным. «Тоска, скажем» — как в одном месте прибавляет поэт».

Вероятно, так же можно (и следует) читать остальных припоминаемых сегодня писателей возрождающегося авангарда — как «особых», непохожих на других. Это, кстати, как будто и есть основная черта авангардистского искусства: оно «неподделываемо», насквозь индивидуально, устанавливает собственные правила игры — как в творчестве, так и в восприятии. Возвращение этих тенденций — отчасти напоминающее поиски, начавшиеся после анτισоцреалистического перелома 1956 года, — это один (хотя и не единственный) из важных признаков перемен, происходящих в польской литературе после 1989 го. И есть смысл в контексте этих заметок привести слова Анджея Зеневи́ча из вступления к дискуссии, названной «Присутствие (отсутствие) автора в литературе, теории, критике» («ЛитеРации», №2):

«...если «Новая волна» [поэты поколения 1968 года] занималась «лингвизмом», стремясь разобраться с одним идеологическим делом (расправиться с шаблонами новоречи, с идеологическими красивыми фразами Герека), то младшее поколение поставило перед собой совершенно другую задачу. Они уже не критикуют ни партийную новоречь, ни рекламную новоречь, ни публицистическую новоречь; они хотят критиковать сам язык, уловить его в особенности (...). И эта жажда заново определяет вопрос об авторе. В этой концепции самосознание, индивидуальность представляет собой то, насколько мы сумеем вырваться из множества, а не то, что мы накопили и запомнили подлинно пережитого».

Вот так в настоящий момент, где-то на окраинах того, о чем говорится в прессе, выходящей большими тиражами, ведутся разговоры об искусстве слова. Зато в главном течении, на страницах «Газеты wyborчей» или «Жечпосполитой», уже некоторое время идет дискуссия о состоянии молодой прозы, о причинах, по которым герой новых романов так жутко инфантилен и совершенно беспомощен в этом мире. Дискуссия эта, однако, довольно вялая и, пожалуй (хотя бы пока), не заслуживает подробного пересказа.